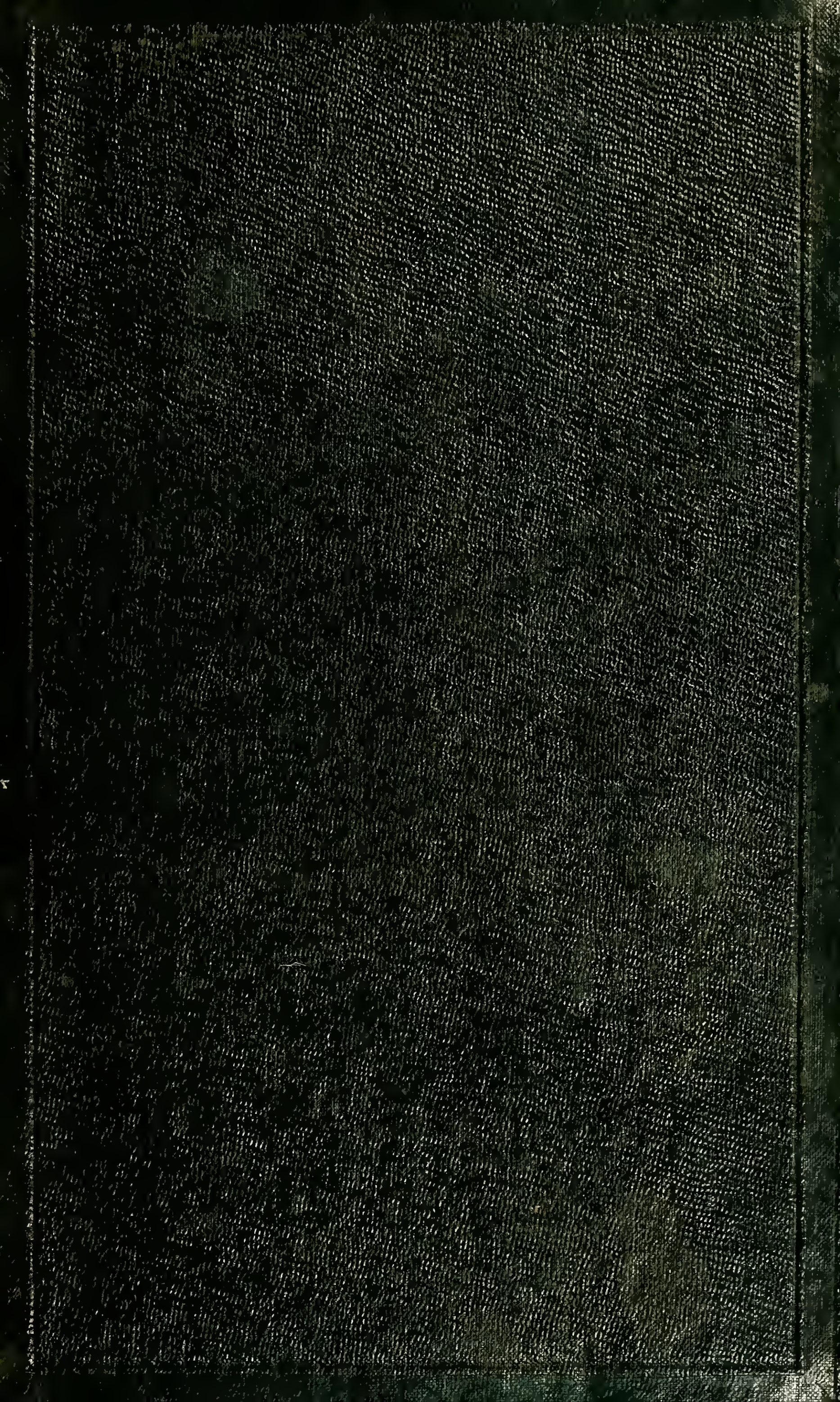

38

24 Декабря 1856 года

Василий Лундъ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА.

МОСКВА.

1856.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Мая 14 дня 1856 года.

Ц е н с о р ъ *В. Бекетовъ.*

ПОЭТЪ И ГРАЖДАНИНЪ.

ГРАЖДАНИНЪ (*входитъ*).

Опять одинъ, опять суровъ,
Лежитъ—и ничего не пишетъ.

ПОЭТЪ.

Прибавь: хандритъ и еле дышетъ—
И будетъ мой портретъ готовъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Хорошъ портретъ! Ни благородства,
Ни красоты тутъ нѣтъ, повѣрь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умѣетъ дикій звѣрь...

ПОЭТЪ.

Такъ что же?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да глядѣть обидно.

ПОЭТЪ.

Ну такъ уйди.

ГРАЖДАНИНЪ.

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь самъ
Какое время наступило;
Въ комъ чувство долга не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно прямъ,
Въ комъ дарованье, сила, мѣткость,
Тому теперь не должно спать...

ПОЭТЪ.

Положимъ, я такая рѣдкость,
Но нужно прежде дѣло дать.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ новость! Ты имѣешь дѣло,
Ты только временно уснулъ,
Проснись: громи пороки смѣло...

ПОЭТЪ.

А! знаю: «вишь куда мѣтнулъ!»
Но я обстрѣленная птица...
Жаль, нѣтъ охоты говорить *(беретъ книгу)*—
Спаситель Пушкинъ!—вотъ страница:
Прочти—и перестань корить!

ГРАЖДАНИНЪ *(читаетъ)*

«Не для житейскаго волненья,
«Не для корысти, не для битвъ,
«Мы рождены для вдохновенья,
«Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

ПОЭТЪ *(съ восторгомъ).*

Неподражаемые звуки!...
Когда бы съ Музою моей
Я былъ немного поумнѣй,
Клянусь, пера бы не взялъ въ руки!

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, звуки чудные... ура!
Такъ поразительна ихъ сила,
Что даже сонная хандра
Съ души поэта соскочила.
Душевно радуюсь—пора!...
И я восторгъ твой раздѣляю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живѣе къ сердцу принимаю...

ПОЭТЪ.

Не говори хоть чепухи!...
Ты рьяный чтецъ, но критикъ дикій.
Такъ я, по твоему—великій,
Повыше Пушкина поэтъ?
Скажи пожалуйста?!..

ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, нѣтъ!
Твои поэмы безтолковы,
Твои элегіи не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны.
Въ ночи, которую теперь
Міръ доживаетъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,—
Ты твердо свѣточь свой держалъ;
Но небу было не угодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно.
Дрожащей искрою, въ потьмахъ,
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался...
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!
Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ни откуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...

Гроза молчитъ; съ волной бездонной
Въ сіяньи спорятъ небеса

И вѣтеръ ласковый и сонной
Едва колеблетъ паруса,—
Корабль бѣжитъ красиво, стройно,
И сердце путниковъ спокойно,
Какъ будто вмѣсто корабля
Подъ ними твердая земля...
Но громъ ударилъ; буря стонетъ
И снасти рветъ и мачту клонитъ,—
Не время въ шахматы играть,
Не время пѣсни распѣвать!
Вотъ песъ—и тотъ опасность знаетъ,
И бѣшено на вѣтеръ лаетъ:
Ему другаго дѣла нѣтъ...
А ты что дѣлалъ бы, поэтъ?
Ужель въ каютѣ отдаленной
Ты сталъ бы лирой вдохновенной
Лѣнивцевъ уши услаждать
И грохотъ бури заглушать?...

Пускай ты вѣренъ назначенью,
Но легче ль родинѣ твоей,
Гдѣ каждый преданъ поклоненью
Единой личности своей?
Наперечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята.
Богъ-помочь имъ!... а остальные?
Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.
Одни—стяжатели и воры,
Другіе—сладкіе пѣвцы,
А третьи... третьи мудрецы:

Ихъ назначенье—разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездѣйствуютъ, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даромъ гибнуть не хотимъ,
Мы ждемъ: авось поможетъ время
И горды тѣмъ, что не вредимъ!»
Хитро скрываетъ умъ надменной
Себялюбивыя мечты,
Но... братъ мой! кто бы ни былъ ты,
Не вѣрь сей логикѣ презрѣнной!
Страшись ихъ участь раздѣлить,
Богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ,
И не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть!...
Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,
Не будетъ гражданинъ достойной
Къ отчизнѣ холоденъ душой—
Ему нѣтъ горше укоризны...
Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь,
Иди и гибни безупрёчно—
Умрешь не даромъ: дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь...

А ты, поэтъ! избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ,
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Нестоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!

Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Все-обнимающей Любви;
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.
Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробитъ,
А изъ-подъ молота летитъ
И брызжетъ самъ собою пламень!...

ПОЭТЪ.

Ты кончилъ?... чуть я не уснулъ.
Куда намъ до такихъ воззрѣній!
Ты слишкомъ далеко шагнулъ.
Учить другихъ—потребенъ геній,
Потребна сильная душа,
А мы съ своей душой лѣнивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоимъ мѣднаго гроша.
Спѣша извѣстности добиться,
Боимся мы съ дороги сбиться,

И тропкой торною идемъ,
А если въ сторону свернемъ—
Готовься хоть бѣжать со свѣта!...
Куда жалка ты, роль поэта!
Блаженъ безмолвный гражданинъ:
Онъ, Музамъ чуждый съ колыбели,
Своихъ поступковъ господинъ,
Ведетъ ихъ къ благодарной цѣли,
И трудъ его успѣшенъ, споръ...

ГРАЖДАНИНЪ.

Не очень лестный приговоръ.
Но твой ли онъ? тобой ли сказанъ?
Ты могъ бы правильнѣй судить:
Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.
А что такое гражданинъ?
Отечества достойный сынъ.—
Ахъ, гдѣ же онъ? Кто не сенаторъ,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта.
И даже чуждъ душѣ поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!..
Ему тяжелый жребій палъ,
Но доли лучшей онъ не проситъ:

Онъ какъ свои на тѣлѣ носитъ
Всѣ язвы родины своей
. . . .
. . . .
Гроза шумитъ и къ безднѣ гонитъ
Надежды шаткую ладью,
Поэтъ клянетъ, или хоть стонетъ,
А гражданинъ молчитъ и клонитъ
Покорно голову свою;
Когда же.... но молчу. Хоть мало
И въ наши дни судьба являла
Достойныхъ гражданъ: знаешь ты
Ихъ участь—преклони колѣни!
Лѣнтяй! смѣшны твои мечты
И легкомысленныя пѣни;
Въ твоемъ сравненьи смыслу нѣтъ.
Вотъ слово правды безпристрастной:
Блаженъ болтающій поэтъ
И жалокъ гражданинъ безгласной!

ПОЭТЪ.

Не мудрено того добить,
Кого ужь добивать не надо.
Ты правъ: поэту легче жить—
Въ правдивомъ словѣ есть отрада.
Но былъ ли я причастенъ ей?
Ахъ, въ годы юности моей
Печальной, безкорыстной, трудной,
Короче: очень безразсудной—

Куда ретивъ былъ мой Пегасъ!
Не розы—я вплеталъ крапиву
Въ его размашистую гриву
И гордо покидалъ Парнасъ;
Безъ отвращенья, безъ боязни
Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни,
Въ суды, въ больницы я входилъ.
Не повторю, что тамъ я видѣлъ...
Клянусь, я честно ненавидѣлъ,
Клянусь, я искренно любилъ!
И чтожъ?... мои послышавъ звуки,

. . . .
. . . .
. . . .

Что было дѣлать? Безразсудно
Винить людей, винить судьбу...
Когдабъ я видѣлъ хоть борьбу,
Бороться сталъ бы, какъ ни трудно,
Но... впрочемъ главная бѣда:
Я молодъ, молодъ былъ тогда!
Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мнѣ блага лучшія свои—
Душа пугливо отступила...
Но сколько бъ ни было причинъ,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При словѣ: честный гражданинъ.

Тотъ роковой, напрасный пламень
До нынѣ сожигаетъ грудь,
И радъ я, если кто-нибудь
Въ меня съ презрѣньемъ броситъ камень.
Бѣднякъ! и изъ чего попралъ
Ты долгъ священный человѣка?
Какую подать съ жизни взялъ
Ты—сынъ больной больнаго вѣка?...
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюмъ и полонъ озлобленья
У двери гроба я стою...

Ахъ! пѣснію моей прощальной
Та пѣсня первая была!
Склонила Муза ликъ печальной
И тихо зарыдавъ ушла.
Съ тѣхъ поръ не часты были встрѣчи:
Украдкой, блѣдная, придетъ
И шепчетъ пламенныя рѣчи
И пѣсни гордыя поетъ.
Зоветъ то въ города, то въ степи,
Завѣтнымъ умысломъ полна;
Но . . . .
И мигомъ скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но какъ боялся! какъ боялся!
Когда мой ближній утопалъ
Въ волнахъ существеннаго горя—
То громъ небесъ, то ярость моря

Я добродушно воспѣвалъ.
Бичуя маленькихъ воришекъ
Для удовольствія большихъ,
Дивилъ я дерзостью мальчишекъ
И похвалой гордился ихъ.
Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презрѣнья горькаго полна.
Теперь напрасно къ ней взываю—
Увы! сокрылась навсегда.
Какъ свѣтъ, я самъ ея незнаю
И не узнаю никогда.
О, Муза! гостьею случайной
Являлась ты душѣ моей,
Иль пѣсень даръ необычайной
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знаетъ? рокъ суровый
Все скрылъ въ глубокой темнотѣ.
Но шелъ одинъ вѣнокъ терновый
Къ твоей угрюмой красотѣ...

I.

ВЪ ДОРОГѢ.

—Скучно! скучно!... Ямщикъ удалой
Разгони чѣмъ нибудь мою скуку!
Пѣсню, что-ли, пріятель, запой
Про рекрутской наборъ и разлуку.
Небылицей какой посмѣши,
Или что ты видалъ разскажи—
Буду, братецъ, за все благодаренъ.—

«Самому мнѣ не весело, баринъ:
Сокрушила злодѣйка-жена!...
Слышь ты, съ молоду, судырь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать—
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.

Одѣвалась не то, что у насъ
На селѣ сарафанницы наши,
А примѣрно преставить, въ атласъ,
Ѣла вдоволь и меду и каши.
Видъ вальяжной имѣла такой,
Хоть бы барынѣ, слышь ты, природной,
И не то что нашъ братъ крѣпостной,
Тоись сватался къ ней благородной
(Слышь, учитель-ста врѣзамшись былъ—
Баитъ кучеръ Иванычъ Торопка),
Да знать, счастья ей Богъ не судилъ:
Не нужна-ста въ дворянство холопка!

«Вышла замужъ господская дочь
Да и въ Питеръ... А справивши сватьбу,
Самъ-атъ, слышь ты, вернулся въ усатьбу,
Захворалъ и на Троицу въ ночь
Отдалъ Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ зятекъ—
Перебралъ по ревизіи души
И съ запашки ссадилъ на оброкъ,
А потомъ добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
Въ чемъ нибудь, али на-просто тѣсно
Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно,—
Воротилъ онъ ее на село—
Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!
Взвыла дѣвка—крутенько пришло:
Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!...

«Какъ на грѣхъ, девятнадцатый годъ
Мнѣ въ ту пору случись... посадили
На тягло—да на ней и женили...
Топсь, сколько я нажилъ хлопотъ!
Видъ такой, понимаешь, суровой...
Ни косить, ни ходить за коровой!...
Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,
Да вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
Какъ дрова или воду несла,
Какъ на барщину шла—становилось
Инда жалко подъ часъ... да куды!—
Не утѣшишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей въ сарафанѣ неловко.
При чужихъ и туда и сюда,
А украдкой реветъ какъ шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

«На какой-то патретъ все глядитъ,
Да читаетъ какую-то книжку...
Инда страхъ меня, слышь ты, щемитъ,
Что погубитъ она и сынишку:
Учитъ грамотѣ, моетъ, стрижотъ,
Словно барченка каждый день чешетъ,
Бить не бьетъ—бить и мнѣ не даетъ...
Да недолго пострѣла потѣшитъ!
Слышь, какъ щепка худа и блѣдна,
Ходитъ топсь совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толокна—
Чай свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...

А съ чего?... Видитъ Богъ не томилъ
Я ее безустанной работой...
Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
Уважалъ, тоись вотъ какъ, съ охотой...
А, слышь, бить—такъ почти не бивалъ,
Развѣ только подъ пьяную руку»...

—Ну, довольно, ямщикъ! Разогналъ
Ты мою неотвязную скуку!...

ВЛАСЪ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ чорный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ.
Нрава былъ крутаго, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза.
Ефіопы—видомъ черные
И какъ угліе глаза,

Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестикрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ:

Сочтены дѣла безумныя...
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать...

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошолъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужь скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины Евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань...

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары—

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіе
По лицу земли родной...

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

1.

Право, не клубъ ли вороньяго рода
Около нашего нынче прихода?
Вотъ и сегодня... ну просто бѣда!
Глупое карканье, дикіе стоны...
Кажется, съ цѣлаго свѣта вороны
По вечерамъ прилетаютъ сюда.
Вотъ и еще, и еще эскадроны...
Рядышкомъ сѣли на куполъ, на крестъ,
На колокольнѣ, на ближней избушкѣ,—
Вонъ у плетня покачнувшійся шестъ:
Двѣ умѣстились на самой верхушкѣ,
Крыльями машутъ... Все тоже опять,
Что и вчера... посидятъ и въ дорогу!...
Полно лѣниться! воронъ наблюдать!
Черныя тучи ушли, слава Богу;
Вѣтеръ смирился. Пройдусь до полей.
Съ самаго утра унылый, дождливый
Выдался нынче денекъ несчастливый:

Даромъ въ болотѣ промокъ до костей,
Вздумалъ работать, да трудъ не дается,
Глядь, ужь и вечеръ—вороны летятъ...
Двѣ старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорятъ...

2.

—Здравствуй, родная.—«Какъ можется, кумушка?
Все еще плачешь никакъ?
Ходитъ, знать, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяинъ-большакъ?»
—Какъ же не плакать? Пропала я, грѣшная!
Душенька ноетъ, болитъ...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, сердешная,
Умеръ и въ землю зарытъ!

—Вѣдь наскочилъ же на экую гадину!
Сынъ ли мой не былъ удалъ?
Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину—
На сорокъ-первомъ сплошалъ!
Росту большаго, рука что̀ желѣзная,
Грудь что̀ плавлёная мѣдь...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная—
Да околѣлъ и медвѣдь!

—Шкуру съ проклятаго содрали, продали;
Деньги—семнадцать рублей—
За душу бѣднаго Савушки подали,
Царство небесное ей!

Добрая барыня Марья Романовна
    На панихиду дала...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна—
    Чуть я домой добрела.

—Вѣтеръ шатаетъ избенку убогую,
    Весь развалился овинъ...
Словно шальная пошла я дорогою:
    Не попадется ли сынъ?
Взялъ бы топорикъ—бѣда поправимая—
    Мать бы утѣшилъ свою...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
    Надо ль? топоръ продаю.

—Кто приголубитъ старуху безродную?
    Вся обнищала въ конецъ!
Въ осень ненастную, въ зиму холодную
    Кто запасетъ мнѣ дровецъ?
Кто, какъ доносится теплая шубушка,
    Зайчиковъ новыхъ набьетъ?
Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка—
    Даромъ ружье пропадетъ!

—Вѣришь, родная: съ тоской да съ заботами
    Такъ опостылѣлъ мнѣ свѣтъ!...
Лягу въ коморку, покроюсь тенётами
    Словно какъ саваномъ... Нѣтъ!
Смерть не приходитъ... Брожу нелюдимая,
    По-пусту жалоблю всѣхъ...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
    Эхъ! кабы только не грѣхъ...

—Ну да и такъ... дай Богъ зиму промаяться,
Свѣжей травы мнѣ не мять!
Скоро избенка совсѣмъ расшатается,
Нѐкому поле вспахать.
Въ городъ сбирается Марья Романовна,
Пò-міру силъ нѣтъ ходить...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна,
И не велѣлъ долго жить!—

3.

Плачетъ старуха. А мнѣ что за дѣло?
Чтò и жалѣть, коли нèчѣмъ помочь?...
Слабо мое изнуренное тѣло:
Время ко сну. Не долга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свѣту надо покрѣпче уснуть...
Вотъ и вороны готовы къ отлёту,
Кончился раутъ.... Ну, трогайся въ путь!
Вотъ поднялись и закаркали разомъ.
Слушай, равняйся! Вся стая летитъ,
Кажется, будто межь небомъ и глазомъ
Черная сѣтка виситъ.

ОГОРОДНИКЪ.

Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу,
Не лежалъ я во рву въ непроглядную ночь,—
Я свой вѣкъ загубилъ за дѣвицу-красу,
За дѣвицу-красу, за дворянскую дочь.

Я въ Нѣмецкомъ саду работалъ по веснѣ.
Вотъ однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоитъ въ сторонѣ,
Смотритъ въ оба, да слушаетъ пѣсню мою.

По торговымъ селамъ, по большимъ городамъ
Я не даромъ живалъ: огородникъ лихой,
Разкрасавицъ дѣвицъ насмотрѣлся я тамъ,
А такой не видалъ, да и нѣту другой.

Черноброва, статна, словно сахаръ бѣла!...
Стало жутко, я пѣсни своей не допѣлъ.
А она—ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней какъ шальной я глядѣлъ.

Я слыхалъ на селѣ отъ своихъ молодицъ,
Что и самъ я пригожъ, не уродомъ рожденъ,—
Словно соколъ гляжу, круглолицъ, бѣлолицъ,
У меня-ль молодца кудри чесаный ленъ...

Разыгралась душа на часокъ, на другой...
Да какъ глянулъ я вдругъ на хоромы ее—
Посвисталъ и махнулъ молодецкой рукой,
Да скорѣй за мужицкое дѣло свое!

А частенько она приходила съ тѣхъ поръ
Погулять, посмотрѣть на работу мою,
И смѣялась со мной и вела разговоръ:
Отчего прiунылъ? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свѣшу на грудь...
«Дай-ко яблоньку я за тебя посажу,
Ты усталъ, чай пора ужь тебѣ отдохнуть».

—Ну пожалуй изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часокъ.—
Да какъ заступъ брала у меня, смѣючись,
Увидала на правой рукѣ перстенёкъ:

Очи стали темнѣй непогоднаго дня,
На губахъ, на щекахъ разыгралася кровь.
«Что съ тобой, госпожа? Отчего на меня
Непривѣтно глядишь, хмуришь черную бровь?»

—Отъ кого у тебя перстенёкъ золотой?—
«Скоро старость прiйдетъ, коли будешь все знать».
—Дай-ка я погляжу, несговорный какой!—
И за палецъ меня бѣлой рученькой хвать!

Потемнѣло въ глазахъ, душу кинуло въ дрожь,
Я давалъ—не давалъ золотой перстенёкъ...
Я вдругъ вспомнилъ опять, что и самъ я пригожъ,
Да не знаю ужь какъ—въ щеку дѣвицу чмокъ!...

Много съ ней скороталъ невозвратныхъ ночей
Огородникъ лихой... Въ ясны очи глядѣлъ,
Расплеталъ, заплеталъ русу косоньку ей,
Цаловалъ-миловалъ, пѣсни Волжскія пѣлъ.

Мигомъ лѣто прошло, ночи стали свѣжѣй,
А подъ утро морозъ подъ ногами хруститъ.
Вотъ однажды, какъ я крался въ горенку къ ней,
Кто-то цапъ за плечо: «держи вора!» кричитъ.

Со стыдомъ молодца на допросъ привели,
Я стоялъ да молчалъ, говорить не хотѣлъ...
И красу съ головы острой бритвой снесли,
И желѣзный уборъ на ногахъ зазвенѣлъ.

Постегали плетьми, и уводятъ дружка
Отъ родной стороны и отъ лапушки прочь
На печаль и страду!... Знать любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ИЗВОЩИКЪ.

1.

Парень былъ Ванюха ражій,
Рослый человѣкъ,—
Не поддайся силѣ вражей,
Жилъ бы долгій вѣкъ.
Полусонный по природѣ,
Знай зѣвалъ въ кулакъ...
И прозваніе въ народѣ
Получилъ: вахлакъ!
Правда, съ нимъ случилось диво
Какъ въ Грязной стоялъ:
Ѣлъ онъ мало и лѣниво,
По ночамъ не спалъ...
Все глядитъ бывало въ оба
Въ супротивный домъ:

Тамъ жила его зазноба—
    Кралечка лицомъ!
Подъ ворота словно птичка
    Вылетитъ съ гнѣзда
Бѣлоручка, бѣлолична...
    Жаль одно: горда!
Прокативъ ее, учтиво
    Онъ ей разъ сказалъ:
«Вишь ты больно тороплива»
    И за ручку взялъ...
Разсердилась: «Не позволю!
    Полно—не замай!
Прежде выкупись на волю,
    Да потомъ хватай!»
Поглядѣлъ за нею Ваня,
    Головой тряхнулъ:
«Не про насъ ты»—молвилъ—«Таня»,
    И рукой махнулъ...
Скоро лѣто наступило,
    Съ барыней своей
Таня въ Тулу укатила;
    Ванька сталъ умнѣй:
Онъ по прежнему порядку
    Полюбилъ чаекъ,
Наблюдалъ свою лошадку,
    Добывалъ оброкъ,
Пилъ умѣренно горѣлку,
    Зналъ копейкѣ вѣсъ...
Да какую же продѣлку
    Сочинилъ съ нимъ бѣсъ!...

2.

Разъ купецъ ему попался
    Изъ родимыхъ мѣстъ;
Ванька съ нимъ съ-утра катался
    До вечернихъ звѣздъ.
А потомъ наѣлся плотно,
    Обрядилъ коня,
И улегся беззаботно
    До другаго дня...
Спитъ и слышитъ стукъ въ ворота.
    Чу! шумятъ, встаютъ...
Не пожаръ ли? вотъ забота!
    Чу! къ нему идутъ.
Онъ вскочилъ какъ заяцъ сгонный,
    Видитъ: съ фонаремъ
Передъ нимъ хозяинъ сонный
    Съ сѣдокомъ-купцомъ.
«Санки гдѣ твои, дѣтина?
    Покажи ступай!»
Говоритъ ему купчина—
    И ведетъ въ сарай...
Помутился умъ у Вани,
    Онъ какъ листъ дрожалъ...
Поглядѣлъ купчина въ сани
    И, крестясь, сказалъ:
«Слава Богу! слава Богу!
    Цѣлъ мѣшокъ-то мой!

Не взыщите за тревогу—
Капиталъ большой:
Понимаете, съ походомъ
Будетъ тысячъ пять»...
И купецъ передъ народомъ
Деньги сталъ считать...
И пока рубли звенѣли
Поднялся весь домъ—
Ваньки сонные глядѣли,
Оступя кругомъ.
«Цѣло все!» сказалъ купчина,
Парня подозвалъ:
«Вотъ на чай тебѣ полтина!
Благо, ты не зналъ:
Серебро-то не бумажки,
Нѣтъ примѣты, братъ,
Мнѣ ходить бы безъ рубашки,
Ты бы сталъ богатъ—
Да Господь-то справедливый
Попугалъ шутя»...
И ушелъ купецъ счастливый,
Подъ мѣшкомъ крехтя...
Надъ розиней поглумились
И опять легли,
А какъ утромъ пробудились
И въ сарай пришли,
Глядь—и обмерли съ испугу...
Ни гу-гу—молчатъ;
Показали вверхъ другъ другу
И пошли назадъ...
Прибѣжалъ хозяинъ блѣдный,
Вся сошлась семья:

«Что такое?»... Ванька бѣдный—
Богъ ему судья!—
Совладать съ лукавымъ бѣсомъ
Видно не съумѣлъ:
Надъ санями подъ навѣсомъ
На возжахъ висѣлъ!
А вѣдь былъ дѣтина ражій,
Рослый человѣкъ,—
Не поддайся силѣ вражей,
Жилъ бы долгій вѣкъ...

---

* *
*

—Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
Дрался—тебѣ и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Мы сами дѣлывали штуки.

—Какъ затесался къ намъ Французъ,
Да увидалъ, что проку мало,
Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
И на попятный тотчасъ драло:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя щенками,
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса,—глядимъ да тужимъ!
Жаль стало: топорищемъ хвать—
И протянулась рядомъ съ мужемъ!
Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,

Лепечутъ—не поймешь словца—
И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долго толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...

—Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!

НА УЛИЦѢ.

1.

ВОРЪ.

Спѣша на званый пиръ по улицѣ прегрязной,
Вчера былъ пораженъ я сценой безобразной:
Торгашъ, у коего украденъ былъ калачъ,
Вздрогнувъ и поблѣднѣвъ, вдругъ поднялъ вой и плачъ
И, бросясь отъ лотка, кричалъ: держите вора!
И воръ былъ окруженъ и остановленъ скоро.
Закушенный калачъ дрожалъ въ его рукѣ;
Онъ былъ безъ сапоговъ, въ дирявомъ сертукѣ
Лицо являло слѣдъ недавняго недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришелъ городовой, подчаска подозвалъ,
По пунктамъ отобралъ допросъ отмѣнно строгой,
И вора повели торжественно въ кварталъ.
Я крикнулъ кучеру: «пошелъ своей дорогой!»

И Богу поспѣшилъ молебствіе принесть
За то, что у меня наслѣдственное есть...

2.

ПРОВОДЫ.

Мать касатикомъ сына зоветъ,
Сынъ любовно глядитъ на старуху,
Молодая бабенка реветъ
И все проситъ остаться Ванюху,
А старикъ непреклонно молчитъ:
Напряженная строгость во взорѣ,
Словно самъ на себя онъ сердитъ
За свое безполезное горе.

Сивка дернулъ дровнишки слегка—
Чуть съ дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрѣлъ же онъ сивкѣ бока,
Да помогъ старику и Ванюха...

3.

ВАНЬКА.

Смѣшная сцена! Ванька дуралей,
Чтобъ сѣдока промыслить побогаче,
Украдкой чиститъ бляхи на своей
Ободранной и заморенной клячѣ.

Не такъ ли ты, продажная краса,
Себѣ придать желая блескъ фальшивой,
Старательно взбиваешь волоса
На головѣ давно полуплѣшивой?
Но оба вы—извощикъ дуралей
И ты, смѣшно причесанная дама,—
Вы пробуждаете не смѣхъ въ душѣ моей—
Мерещится мнѣ всюду драма.

ВИНО.

1.

Безъ вины меня соцкій посѣкъ,
Самъ не знаю что сталось со мной?
Я не то, чтобъ большой человѣкъ,
Да вишь дѣло-то было впервой.
Какъ подумаю, весь задрожу,
На душѣ все чернѣй да чернѣй.
Какъ теперь на людей погляжу?
Какъ приду къ ненаглядной моей?
И я долго лежалъ на печи,
Все молчалъ, не отвѣдывалъ щей;
Нашепталъ мнѣ нечистый въ ночи
Неразумныхъ и буйныхъ рѣчей,
И на утро я сумраченъ всталъ,
Помолиться хотѣлъ да не могъ,
Ни словечка ни съ кѣмъ не сказалъ
И пошелъ, не крестясь, за порогъ.
Вдругъ: «не хочешь ли, братикъ, вина?»
Мнѣ во-слѣдъ закричала сестра.

Цѣлый штофъ осушилъ я до-дна
И въ тотъ день не ходилъ со двора.

2.

Зазнобила меня молодца
Степанида, сосѣдская дочь,
Я посваталъ ее у отца—
И старикъ да и дѣвка не прочь.
Да, знать, старостѣ вплоть до земли
Поклонился другой молодецъ,
И съ немилымъ ее повели
Мимо оконъ моихъ подъ вѣнецъ.
Не изъ камня душа! Какъ шальной
Я на улицу скокъ изъ окна:
«Погоди! разочтусь я съ тобой»...
И для смѣлости выпилъ вина.
Да попался Петруха, свой братъ,
Въ кабакѣ: назвался угостить—
Даровому лѣнивый не радъ—
Я остался полштофа распить.
А за первымъ другой чередомъ
Подоспѣлъ; отъ души отлегло,
Задремалъ я, обнявшись съ Петромъ...
А на утро раздумье пришло...

3.

Я съ артелью взялся у купца
Передѣлать всѣ печи въ дому,

Въ мѣсяцъ дѣло довелъ до конца
И пришелъ за расчетомъ къ нему.
Обсчиталъ, воровская душа!
Я корить, я судомъ угрожать:
«Такъ не будетъ тебѣ ни гроша!»
И велѣлъ меня въ шею прогнать.
Я ходилъ къ нему восемь недѣль
Да застать его дома не могъ,
Расчитать было нечѣмъ артель
И меня, слышь, потянутъ въ острогъ...
Я на буйные умыслы скоръ.
«Пропадай!» самъ себѣ я сказалъ,
Побѣжалъ, притаился какъ воръ
У знакомаго дома—и ждалъ.
Да прозябъ,—а напротивъ кабакъ,
Разсудилъ: отчего не зайти?
На послѣдній хватилъ четвертакъ,
Подрался—и проснулся въ части...

ТРОЙКА.

Что ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать, забило сердечко тревогу—
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?...
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь:
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ, черныхъ какъ ночь;

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.

Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика разоритъ на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.

Отъ работы и черной и трудной
Отцвѣтешь, неуспѣвши разцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудной,
Будешь нянчить, работать и ѣсть.

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни—появится вдругъ
Выраженье тупаго терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда затуши;

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки и сыты и бойки,—
И ямщикъ подъ хмѣлькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ.

1.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила;
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка
И велитъ дать лѣсу»—думаетъ старушка.

2.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ маneромъ—
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»

Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово—
И землицу нашу отдадутъ намъ снова!»

3.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный:
Да перечитъ дѣвкѣ Нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ—
«Вотъ пріѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ...

4.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута—урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

5.

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:

На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ—новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету—и уѣхалъ въ Питеръ....

ШКОЛЬНИКЪ.

—Ну, пошелъ же, ради Бога!—
Небо, ельникъ и песокъ—
Не веселая дорога...
—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!—

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?... Ну, чтожъ!
Случай тоже ужь не новый—
Не робей, не пропадешь!...

Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ—
Сонъ свершится на яву!

Тутъ ужь поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!...

II.

ПСОВАЯ ОХОТА.

Провидѣнію угодно было создать человѣка такъ, что ему нужны внезапныя потрясенія, восторгъ, порывъ и хотя мгновенное забвеніе отъ житейскихъ заботъ; иначе, въ уединеніи, грубѣетъ нравъ и вселяются разные пороки...

(Реуттъ, Псовая охота).

1.

Сторожъ вкругъ дома господскаго ходитъ,
Злобно зѣваетъ и въ доску колотитъ.

Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осеннiй наводитъ печаль;

По небу тучи угрюмыя гонитъ,
По полю листья—и жалобно стонетъ...

Баринъ, проснувшись, съ постели вскочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ...

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули всѣ—до груднаго мальчишки.

Вотъ, при дрожащемъ огнѣ фонарей,
Движутся длинныя тѣни псарей.

Крикъ, суматоха!... ключи зазвенѣли,
Ржавыя петли уныло запѣли;

Съ громомъ выводятъ, поятъ лошадей....
Время не терпитъ—сѣдлай поскорѣй!

Въ синихъ венгеркахъ на заячьихъ лапкахъ,
Въ остроконечныхъ неслыханныхъ шапкахъ

Слуги толпой подъѣзжаютъ къ крыльцу.
Любо глядѣть—молодецъ къ молодцу!

Хоть и худеньки у многихъ подошвы—
Да въ сертукахъ за то желтыя прошвы,

Хоть съ толокна животы подвело—
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло,

Конь—заглядѣнье, собачекъ двѣ своры,
Поясъ черкесскій, арапникъ и шпоры...

Вотъ и помѣщикъ. Долой картузы!
Молча онъ крутитъ сѣдые усы,

Грозенъ осанкой и пышенъ нарядомъ,
Молча поводитъ властительнымъ взглядомъ,

Слушаетъ важно обычный докладъ:
«Змѣйка [1]) издохла, въ забойкѣ Набатъ [2]),

Соколъ [3]) сбѣсился, Хандра [4]) захромала»...
Гладитъ, нагнувшись, любимца-Нахала [5]),

И, сладострастно волнуясь, Нахалъ
На спину легъ и хвостомъ завилялъ...

2.

Въ строгомъ порядкѣ, ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ псари по холмамъ и оврагамъ.

Стало свѣтать; проѣзжаютъ селомъ—
Дымъ поднимается къ небу столбомъ,

Гонится стадо, съ мучительнымъ стономъ
Оченъ [6]) скрипитъ (запрещенный закономъ;

Бабы изъ оконъ пугливо глядятъ,
«Глянь–ко, собаки!» ребята кричатъ...

Вотъ поднимаются медленно въ гору.
Чудная даль открывается взору:

Рѣчка внизу, подъ горою, бѣжитъ,
Инеемъ зелень долины блеститъ,

А за долиной, слегка бѣловатой,
Лѣсъ, освѣщенный зарей полосатой...

Но равнодушно встрѣчаютъ псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной,
Не насладился изъ нихъ ни единой...

«Въ Банники [7])»—крикнулъ помѣщикъ—«набрось! [8])»
Борзовщики [9]) разъѣзжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
Въ островѣ [10]) скрылся крикунъ-доѣзжачій [11]).

Горло завидное далъ ему Богъ:
То затрубитъ оглушительно въ рогъ,

То закричитъ: «добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заоретъ: «го-го-го!—ту!-ту!! ту!!!»
Вотъ и нашли—залились на слѣду.

Варомъ-варитъ [12]) закипѣвшая стая,
Внемлетъ помѣщикъ, восторженно тая,

Въ мощной груди занимается духъ,
Дивной гармоніей нѣжится слухъ!

Однопомётниковъ [13]) лай музыкальный
Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,

Гдѣ ни уплатъ въ Опекунскій Совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!

Хоръ такъ пѣвучъ, мелодиченъ и ровенъ,
Что твой Россини! что твой Бетховенъ!

3.

Ближе и лай, и порсканье, и крикъ—
Вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ!

Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле...
То-то раздолье помѣщичьей волѣ!...

Черезъ ручьи, буераки и рвы
Бѣшено мчатся: не жаль головы!

Въ бурныхъ движеньяхъ—величіе власти,
Голосъ проникнутъ могуществомъ страсти,

Очи горятъ благороднымъ огнемъ...
Чудное что-то свершилося въ немъ!

Здѣсь онъ не струситъ, здѣсь не уступитъ,
Здѣсь его Крезъ за мильйоны не купитъ!

Буйная удаль не знаетъ преградъ,
Смерть иль побѣда—ни шагу назадъ!

Смерть или побѣда! (Но гдѣжь, какъ не въ бурѣ,
И развернуться славянской натурѣ?...)

Звѣрь отсѣдаетъ [14])—и въ смертной тоскѣ
Плачетъ помѣщикъ, припавши къ лукѣ,—

Звѣря поймали—онъ дико кричитъ,
Мигомъ отпазончилъ [15]), самъ торочитъ [16]),

Гордый удачей любимой потѣхи,
Въ заячій хвостъ отираетъ доспѣхи

И замираетъ, главу преклоня
Къ шеѣ покрытаго пѣной коня...

4.

Много травили, много скакали,
Гончихъ изъ острова въ островъ бросали,

Вдругъ неудача: Свирѣпъ [17]) и Терзай [18])
Кинулись въ стадо, за ними Ругай [19]),

Слѣдомъ за ними Угаръ [20]) и Замашка [21])—
И растерзали въ минуту барашка!

Баринъ велѣлъ возмутителей сѣчь,
Самъ же держалъ къ нимъ суровую рѣчь;

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбѣжались, когда ихъ пустили...

Рёвма-реветъ злополучный пастухъ,
За лѣсомъ кто-то ругается вслухъ.

Баринъ кричитъ: «замолчи, животина!»
Не унимается бойкій дѣтина.

Баринъ озлился и скачетъ на крикъ,
Струсилъ—и валится въ ноги мужикъ...

Баринъ отъѣхалъ—мужикъ встрепенулся,
Снова ругается; баринъ вернулся.

Баринъ арапникомъ злобно махнулъ—
Гаркнулъ буянъ: «караулъ, караулъ!»...

Долго преслѣдовалъ парень побитой
Барина бранью своей ядовитой:

. . . .
. . . .

Но уже баринъ сердитый не слушалъ,
Къ стогу подсѣвши, онъ рябчика кушалъ,

Кости Нахалу кидалъ, а псарямъ
Передалъ фляжку, отвѣдавши самъ.

Пили псари—и угрюмо молчали,
Лошади сѣно изъ стога жевали,

И въ обагренные кровью усы
Зайцовъ лизали голодные псы...

5.

Такъ отдохнувъ, продолжаютъ охоту,
Скачутъ, порскаютъ [22]) и травятъ безъ счету.

Время межъ тѣмъ незамѣтно идетъ,
Песъ измѣняетъ и конь устаетъ...

Падаетъ сизый туманъ на долину,
Красное солнце зашло вполовину

И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бѣлой луны.

Слѣзли съ коней; поджидаютъ у стога,
Гончихъ сбиваютъ, сзываютъ въ три рога,

И повторяются эхомъ лѣсовъ
Дикіе звуки нестройныхъ роговъ...

Скоро стемнѣетъ... Ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ домой по холмамъ и оврагамъ,

При переправѣ чрезъ мутный ручей,
Кинувъ поводья, поятъ лошадей—

Ради борзыя, довольны тявкуши:
Въ воду залѣзли по самыя уши!

Въ полѣ завидѣвъ табунъ лошадей,
Ржотъ жеребецъ подъ однимъ изъ псарей...

Вотъ, наконецъ, добрались до ночлега.
Въ сердцѣ помѣщика радость и нѣга—

Много загублено заячьихъ душъ...
Слава усердному гону тявкушъ [23])!

Изъ лѣсу робкихъ звѣрей выбивая,
Честно служила ты, вѣрная стая!

Слава тебѣ, неизмѣнный Нахалъ—
Ты словно вѣтеръ пустынный леталъ!

Слава тебѣ, рѣзвоножка-Побѣдка [24])!
Бойко скакала, ловила ты мѣтко!

Слава усерднымъ и бурнымъ конямъ!
Слава выжлятнику [25]), слава псарямъ!...

6.

Выпивъ изрядно, поужинавъ плотно,
Баринъ отходитъ ко сну беззаботно,

Завтра велитъ себя раньше будить...
Чудное дѣло—скакать и травить!

Чуть не полміра въ себѣ совмѣщая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у насъ и лѣсовъ и полей,
Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей!

Нѣтъ намъ запрета носиться по полю,
Рыская, тѣша степную и буйную волю.

Благо тому, кто предается во власть
Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,

И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума къ нему не зайдетъ,
Въ праздномъ покоѣ душа не заснетъ.

Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ...

ГАДАЮЩЕЙ НЕВѢСТѢ.

У него прекрасныя манеры,
Онъ не глупъ, не бѣденъ и хорошъ,
Что гадать? ты влюблена безъ мѣры,
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и безъ гаданья:
Если сердце есть въ его груди—
Ждутъ тебя, быть можетъ, испытанья,
Но и счастье будетъ впереди...

Не изъ тѣхъ ли только онъ бездушныхъ,
Что̀ въ столицѣ много̀ встрѣтишь ты,
Одному лишь голосу послушныхъ—
Голосу тщеславной суеты?

Что̀ гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потерявъ сознаніе позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если такъ—плоха порука счастью!
Какъ бы чудно ты ни разцвѣла,
Ни умомъ, ни красотой, ни страстью
Не поправишь роковаго зла.

Онъ твои плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей—
Все отдастъ за плоскія рессоры
И за пару кровныхъ лошадей!

ПЬЯНИЦА.

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша!
Въ томительномъ бореніи
Сама съ собой душа,
А умъ въ тоскѣ мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Все та же хата бѣдная
Становится бѣднѣй,
И мать—старуха блѣдная—
Еще блѣднѣй, блѣднѣй.
Запуганный, задавленный,
Съ поникшей головой,
Идешь какъ обезславленный,
Гнушаясь самъ собой.
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой нарядъ
Съ насмѣшкой не случайною
Всѣ, кажется, глядятъ.

Все, что во снѣ мерещется,
Какъ будто бы на зло,
Въ глаза вотъ такъ и мечется
Роскошно и свѣтло!
Все—поводъ къ искушенію,
Все дразнитъ и язвитъ
И руку къ преступленію
Нетвердую манитъ...
Ахъ! еслибъ часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрамъ бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелаго
Гнетущаго труда,—
Быть-можетъ, буйну голову
Сносилъ бы я тогда!
Покинувъ путь губительный,
Нашолъ бы путь иной,
И въ трудъ иной—свѣжительный—
Поникъ бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
На встрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.
Жена моя, закрывъ лицо вуалью,
Подъ вечерокъ къ любовнику пошла:
Я въ домъ къ нему съ полиціей прокрался
И уличилъ... Онъ вызвалъ: я не дрался!
Она слегла въ постель и умерла
Истерзана позоромъ и печалью...
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

Пріятель въ срокъ мнѣ долга не представилъ:
Я, намекнувъ по-дружески ему,
Закону разсудить насъ предоставилъ;
Законъ приговорилъ его въ тюрьму.
Въ ней умеръ онъ, не заплативъ алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долгъ ему простилъ тогожъ числа,
Почтивъ его слезами и печалью...
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

Крестьянина я отдалъ въ повара:
Онъ удался; хорошій поваръ—счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посѣкъ его, каналью;
Онъ взялъ да утопился: дурь нашла!
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

Имѣлъ я дочь; въ учителя влюбилась
И съ нимъ бѣжать хотѣла съ горяча.
Я погрозилъ проклятьемъ ей: смирилась
И вышла за сѣдаго богача.
Ихъ домъ блестящъ и полонъ былъ какъ чаша;
Но стала вдругъ блѣднѣть и гаснуть Маша
И черезъ годъ въ чахоткѣ умерла,
Сразивъ весь домъ глубокою печалью...
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла...

МАША.

Бѣлый день занялся надъ столицей,
Сладко спитъ молодая жена,
Только труженикъ мужъ блѣднолицый
Не ложится—ему не до сна!

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ...
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянетъ... убійственный взглядъ!

Въ ней одной его жизни отрада,
Такъ пускай въ немъ не видитъ врага:
Два такихъ онъ ей купитъ наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Подъ рукою казенный сундукъ,
Но испорченъ онъ былъ съ малолѣтства
Изученьемъ опасныхъ наукъ.

Человѣкъ онъ былъ новой породы:
Исключительно честь понималъ,
И безгрѣшные даже доходы
Называлъ воровствомъ, либералъ!

Лучше жить бы хотѣлъ онъ попроще.
Не франтить, не тянуться бы въ свѣтъ,
Да обидится гордая теща,
Да осудитъ богатый сосѣдъ!

Все бы вздоръ... только съ Машей не сладишь,
Не втолкуешь—глупа, молода!
Скажетъ: «такъ за любовь мою платишь!»
Нѣтъ! упреки тошнѣе труда!

И кипитъ-поспѣваетъ работа,
И болитъ-надрывается грудь...
Наконецъ наступила суббота:
Вотъ и праздникъ—пора отдохнуть!

Онъ лелѣетъ красавицу-Машу,
Выпивъ полную чашу труда,
Наслажденія полную чашу
Жадно пьетъ... и онъ счастливъ тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро въ гробъ его Маша уложитъ,
Проклянетъ свой сиротскій удѣлъ,
И, бѣдняжка! ума не приложитъ
Отчего онъ такъ скоро сгорѣлъ?

СЕКРЕТЪ.

(опытъ современной баллады.)

1.

Въ счастливой Москвѣ, на Неглинной,
Со львами, съ рѣшеткой кругомъ,
Стоитъ одиноко старинной,
Гербами украшенный домъ.

Онъ съ роскошью барской построенъ
Какъ будто вѣкамъ на показъ;
А нынѣ въ немъ нѣсколько боенъ
И съ юфтью просторный лабазъ.

Картофель да кочни капусты
Растутъ передъ нимъ на грядахъ;
Въ немъ лучшія комнаты пусты,
И мебель и бронза въ чехлахъ.

Не вѣдаетъ мудрый владѣлецъ
Тщеславья и роскоши нѣгъ;
Онъ въ собственномъ домѣ пришелецъ,
Занявшій въ конурѣ ночлегъ.

Въ его деревянной пристройкѣ
Свѣча одиноко горитъ;
Скупецъ умираетъ на койкѣ,
И дѣтямъ своимъ говоритъ:

2.

«Огни зажигались вечерніе,
Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
Когда изъ Полтавской губерніи
Я въ городъ столичный входилъ.

«Въ рукахъ была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечахъ шубенка овчинная,
Въ карманѣ пятнадцать грошей.

«Ни денегъ, ни званья, ни племени,
Малъ ростомъ и съ виду смѣшонъ,
Да сорокъ лѣтъ минуло времени—
Въ карманѣ моемъ милліонъ!

«И самъ я теперь благоденствую,
И счастье вокругъ себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный примѣръ подаю.

«Я сдѣлался важною персоною,
Пожертвовавъ тысячу въ годъ:
Имѣю и . . . .
И званіе «друга сиротъ».

«Но дни наступили унылые,
Смерть близко—спасенія нѣтъ!
И время вамъ, дѣтушки милые,
Узнать мой великій секретъ.

«Квартиру я нанялъ у дворника,
Дрова къ постояльцамъ таскалъ;
Подбился я къ дочери шорника
И съ нею отца обокралъ;

«Потомъ и ее, безтолковую,
За нужное счелъ обокрасть,
И въ практику бросился новую,
Запрегся въ питейную часть.

«Потомъ....»

3.

Вдругъ лицо потемнѣло,
Раздался мучительный крикъ—
Лежитъ, словно мертвое тѣло,
И больше ни слова старикъ!

Но, видно, секретъ былъ угаданъ.
Сынки угодили въ отца:
Старикъ еще дышетъ на ладанъ
И ждетъ боязливо конца,

А дѣти гуляютъ съ ключами.
Вотъ старшій въ шкатулку проникъ:
Старикъ осадилъ бы словами—
Нѣтъ словъ: непокоренъ языкъ!

Въ меньшомъ родилось подозрѣнье,
И ссора кипитъ о ключахъ—
Не слухъ бы тутъ нуженъ, не зрѣнье,
А сила въ рукахъ и ногахъ:

Воспрянулъ бы словно изъ гроба
И словомъ и дѣломъ могучъ—
Смирились бы дерзкіе оба
И отдали бъ старому ключъ.

Но братъ поднимаетъ на брата
Преступную руку свою...
И вотъ тебѣ, коршунъ, награда
За жизнь воровскую твою!

КНЯГИНЯ.

Домъ—дворецъ роскошный, длинный, двухэтажный,
Съ садомъ и съ рѣшеткой; мужъ—сановникъ важный;
Молодость, богатство, красота, свобода—
Все ей даровали случай и природа.
Только показалась—и надъ свѣтскимъ міромъ
Солнцемъ засіяла, вознеслась кумиромъ!
Воинъ, царедворецъ, дипломатъ, посланникъ
Красоты волшебной раболѣпный данникъ;
Свѣтъ ей рукоплещетъ, свѣтъ ей подражаетъ.
Властвуетъ княгиня, цѣпи налагаетъ,
Но цѣпей не носитъ; прихоти послушна,
Ни за что̀ полюбитъ, броситъ равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не сто̀итъ—
Если и погибнетъ, торжество удвоитъ!...

Сердце ли въ ней билось черезчуръ спокойно,
Иль кругомъ все было страсти недостойно,

Только ни однажды въ молодыя лѣта
Сердце въ ней любовью не было согрѣто.
Годы пролетали. Въ вихрѣ жизни бальной
До поры осенней—пышной и печальной—
Дожила княгиня... Тутъ супругъ скончался...
Труденъ былъ ей трауръ,—докторъ догадался
И нашелъ, что воды были бъ ей полезны
(Доктора въ столицахъ вообще любезны).

Если только русскій ѣдетъ за границу,
Посылай въ Палермо, въ Пизу или въ Ниццу,
Быть ему въ Парижѣ—такъ судьбамъ угодно!
Годъ въ столицѣ моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась
Въ доктора-француза—и сама дивилась!
Не былъ онъ красавецъ; но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Гордое, живое... Свергнуть иго страсти
Нѣтъ и помышленья... да ужь нѣтъ и власти!
Рѣшено! Въ Россію тотчасъ написали:
Нѣмецъ-управитель, безъ большой печали,
Продалъ за безцѣнокъ, въ силу повелѣнья,
Англійскіе парки, русскія селенья,
Земли, лѣсъ и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги—и съиграли свадьбу...

Тутъ пришла развязка. Круто измѣнился
Докторъ-спекуляторъ: деспотомъ явился!
Деньги, бриліянты—все пустилъ въ аферы,
А жену тиранилъ, ревновалъ безъ мѣры,
И когда бѣдняжка съ горя захворала,
Свезъ ее въ больницу... Навѣщалъ сначала,

А потомъ уѣхалъ—словно канулъ въ воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
Въ нищетѣ княгиня... и тотъ годъ тяжелой,
Былъ ей долгимъ годомъ думы невеселой!
Смерть ея въ Парижѣ не была замѣтна:
Бѣдно нарядили, схоронили бѣдно...
А въ отчизнѣ дальной словно были рады:
Цѣлый годъ судили—рѣзко, безъ пощады,
Наконецъ устали... И одна осталась
Память: что съ отличнымъ вкусомъ одѣвалась!
Да еще остался домъ съ ея гербами,
Дȯ-верху набитый бѣдными жильцами,
Да въ строфахъ небрежныхъ русскаго поэта
Вдохновенныхъ ею чудныхъ два куплета,
Да голякъ-потомокъ отрасли старинной,
Свѣтомъ позабытый—и ни въ чемъ невинной!...

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТІЯ.

1.

У хладныхъ невскихъ береговъ,
Въ туманномъ Петроградѣ,
Жилъ нѣкто господинъ Долговъ
Съ женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянинъ,
Чиновникъ непродажный,
Онъ нажилъ только домъ одинъ—
Но домъ пятиэтажный.

Учась на мѣдные гроши,
Невѣдалъ по-французски,
Былъ добръ по слабости души,
Но какъ-то не по-русски:

Есть русскихъ множество семей—
Они какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался нашъ Долговъ
Такой рукою бойкой
И только колотить тузовъ
Любилъ козырной двойкой.

За-то Господь его взыскалъ
Своею благодатью:
Онъ городъ за женою взялъ
И породнился съ знатью.

И такъ, жена его была
Наклонна къ этикету
И домъ, какъ слѣдуетъ, вела
Подъ стать большому свѣту:

Сама не сходитъ на базаръ
И въ кухню ни ногою.
У дома ихъ стоялъ швейцаръ
Съ огромной булавою,

Лакеи чинною толпой
Тѣснилися въ прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожи.

Всегда сервированъ обѣдъ
И чай весьма прилично,
Въ парадныхъ комнатахъ паркетъ
Такъ вылощенъ отлично.

Они давали вечера
И даже въ годъ два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала.

Гремѣла музыка всю ночь,
По требованью глядя;
Царицей тутъ была ихъ дочь—
Красивенькая Надя...

2.

Ни преждевременнымъ умомъ,
Ни красотой ни мало
Въ невинномъ возрастѣ своемъ
Она не поражала.

Была лѣнивой въ десять лѣтъ
И милою рѣзвушкой;
Цвѣтущъ и ясенъ Божій свѣтъ
Казался ей игрушкой.

Въ семнадцать—сверстницъ и сестрицъ
Всѣхъ красотой затмила,
Но нашихъ чопорныхъ дѣвицъ
Собой не повторила:

Въ глазахъ природный умъ игралъ,
Румянецъ въ кожѣ смуглой,
Она любила шумный балъ
И не была тамъ куклой.

Въ веселомъ обществѣ гостей
Жеманно не молчала,
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
Не потому, что въ модѣ;
Не исключительно луна
Ей нравилась въ природѣ.

Читать любила иногда,
И съ книгой не скучала,
Напротивъ, и гостей тогда
И танцы забывала;

Но также *синяго чулка*
Въ ней не было примѣты:
Не трактовала съ высока
Ученые предметы.

Разбору строгому еще
Не предавала чувства,
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну словомъ: глядя на нее,
Поэтъ сказалъ бы съ жаромъ:
«Цвѣти, цвѣти, дитя мое!
Ты создано не даромъ!»...

Ужь ей врала про жениховъ
Услужливая няня,
Не мало ей писалъ стиховъ
Кузенъ какой-то Ваня.

Мамаша повторяла ей:
«Ужь ты давно невѣста»,
Но въ сердцѣ береглось у ней
Не занятое мѣсто.

Дѣвичій сонъ еще былъ тихъ
И крѣпокъ благотворно,
А между-тѣмъ давно женихъ
Къ ней сватался упорно...

3.

То былъ гвардейскій офицеръ,
Воитель черноокой.
Блисталъ онъ свѣтскостью манеръ
И лобъ имѣлъ высокой;

Былъ очень тонкаго ума,
Воспитанъ превосходно,
Читалъ Фудраса и Дюма
И мыслилъ благородно;

Хоть книги рѣдко покупалъ,
Но чтилъ литературу,
И даже анекдоты зналъ...
Ну хоть... про корректуру.

Въ Шекспирѣ признавалъ талантъ
За личность Дездемоны,
И строго осуждалъ Жоржъ Зандъ,
Что̀ носитъ панталоны;

Былъ отъ Рубини безъ ума,
Пѣлъ басомъ «caro mio»
И къ другу при концѣ письма
Приписывалъ: «addio».

Его любимый идеалъ
Былъ Александръ Марлинскій,
Но онъ всему предпочиталъ
Театръ Александринскій.

Здѣсь пищи онъ искалъ уму,
Отхлопывалъ ладони,
И были пò-сердцу ему
. . . .

Когда главою помавалъ,
Какъ нѣкій древній магикъ,
И дикимъ звѣремъ завывалъ
Широкоплечій трагикъ,

И вдругъ влетала какъ зефиръ
Воздушная Сюзета—
Тогда онъ забывалъ весь міръ,
Вникая въ смыслъ куплета,

Слѣдилъ за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетитъ душа
Съ его возгласомъ: фора!

Въ немъ бурно поднимала кровь
Всѣ силы молодыя...
Счастливый юноша! любовь
Онъ познавалъ впервые!

Отрада юношескихъ лѣтъ,
Подруга идеаламъ,
О, сцена! сцена! не поэтъ,
Кто не былъ театраломъ!

Кто не сдавался въ милый плѣнъ,
Не рвался за кулисы
И не платилъ громадныхъ цѣнъ
За кресла въ бенефисы!

Кто по часамъ не поджидалъ
Зеленую карету
И водевилей не писалъ
На бенефисъ «предмету!»...

Блаженъ, кто успокоилъ кровь
Обычной чередою:
Успѣхомъ увѣнчалъ любовь
И завелся семьею;

Но тотъ, кому не удались
Исканья—не въ накладѣ,
Прелестны граціи кулисъ
Покуда на эстрадѣ.

Тамъ вся поэзія души,
Тамъ мѣста нѣтъ для прозы,
А дома сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы.

Такъ отдаетъ въ наймы другимъ
Свой домъ владѣлецъ жадной,
А самъ, нечистъ и нелюдимъ,
Живетъ въ конурѣ смрадной...

Но ты, къ кому души моей
Летятъ воспоминанья!
Я безкорыстнѣй и свѣтлѣй
Не видывалъ созданья.

Блестящъ и краток былъ твой путь...
Но я на эту тему
Вамъ напишу когда-нибудь
Особую поэму...

Въ младые годы нашъ герой
Къ театру былъ прикованъ,
Но нынѣ онъ отцвѣлъ душой—
Усталъ, разочарованъ!

Когда при тысячѣ огней
Въ великолѣпной залѣ,
Кумиръ дѣвицъ, гроза мужей,
Бродилъ угрюмъ на балѣ,—

Когда являлся въ маскарадъ
Во всей парадной формѣ,
Когда садился въ первый рядъ
И дико хлопалъ «Нормѣ»,—

Когда по Невскому скакалъ
Съ усмѣшкой губъ румяныхъ
И кучеръ бѣшено кричалъ
На пару шведокъ рьяныхъ—

Никто бъ, конечно, не узналъ
Въ немъ новаго Манфреда...
Но, ахъ! онъ жизнію скучалъ—
Пока лишь до обѣда.

Являлъ онъ Байрона черты
Въ характерѣ усталомъ:
Не вѣрилъ въ книги и мечты,
Не увлекался баломъ.

Онъ зналъ: фортуны колесо
Плѣняетъ только младость;
Онъ въ ресторацiи Дюсо
Давно утратилъ радость!

Не вѣрилъ истинѣ въ друзьяхъ—
Имъ вѣрятъ лишь невѣжды,—
Съ кiемъ и картами въ рукахъ
Позналъ тщету надежды!

Онъ буйно молодость убилъ,
Взявъ образецъ въ Ловласѣ,
И рано сердце остудилъ
У Кессениха въ танц-классѣ!

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
Чтобъ какъ нибудь забыться...
Пуста душа и пустъ карманъ—
Пора, пора жениться!...

4.

Не долго въ дѣвѣ молодой
Таилося раздумье...
«Прекрасной партiей такой
Пренебрегать—безумье»,

Сказала плачущая мать,
Дочь по головкѣ гладя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

Ихъ сговорили чередой
И обвѣнчали вскорѣ...
Какъ думаешь, читатель мой,
На радость или горе?...

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

Вотъ и больница. Свѣтя, показалъ
　　Въ уголъ намъ сонный смотритель.
Трудно и медленно тамъ угасалъ
　　Честный бѣднякъ сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
　　Что, зануждавшись въ столицѣ,
Не извѣстилъ онъ друзей никого,
　　А пріютился въ больницѣ...

«Что за бѣда» онъ шутя отвѣчалъ:
　　«Мнѣ и въ больницѣ покойно.
Я все сосѣдей моихъ наблюдалъ:
　　Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вотъ этотъ субъектъ,
　　Что межъ кроватями бродитъ—
Есть у него превосходный проектъ,
　　Только—бѣда! не находитъ

Денегъ... а то бы давно превращалъ
Онъ въ бриллiанты крапиву.
Онъ покровительство мнѣ обѣщалъ
И миллiонъ на разживу!

«Вотъ старикашка-актеръ: на людей
И на судьбу негодуетъ;
Перевирая, изъ старыхъ ролей
Всюду двустишiя суетъ;
Онъ добродушенъ, задоренъ и милъ,
Жалко—уснулъ (или умеръ)?
А то бы вѣрно онъ васъ посмѣшилъ...
Смолкъ и семнадцатый нумеръ!
А какъ онъ бредилъ деревней своей,
Какъ, о семействѣ тоскуя,
Ласки послѣдней просилъ у дѣтей,
А у жены поцалуя!
Не просыпайся же, бѣдный больной!
Такъ въ забытьи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожемъ будутъ закрыты!
Завтра дежурные насъ обойдутъ,
Саваномъ мертвыхъ накроютъ,
Счетомъ въ мертвецкiй покой отнесутъ,
Счетомъ въ могилу зароютъ.
И ужь тогда не являйся жена,
Чуткая сердцемъ, въ больницу—
Бѣднаго мужа не сыщетъ она,
Хоть раскопай всю столицу!

«Случай недавно ужасный тутъ былъ:
Пасторъ какой-то нѣмецкой

Къ сыну прiѣхалъ—и долго ходилъ...
    «Вы поищите въ мертвецкой»
Сторожъ ему равнодушно сказалъ;
    Бѣдный старикъ пошатнулся,
Въ страшномъ испугѣ туда побѣжалъ
    Да, говорятъ, и рехнулся!
Слезы ручьями текутъ по лицу,
    Онъ между трупами бродитъ:
Молча заглянетъ въ лицо мертвецу,
    Молча къ другому подходитъ...

«Впрочемъ, не вѣчно чужою рукой
    Здѣсь закрываются очи...
Помню: съ прошибенной въ-кровь головой
    Къ намъ привели среди ночи
Стараго вора: въ острогѣ его
    Буйный товарищъ изранилъ.
Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
    Только грозилъ и буянилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
    Вздрогнула вдругъ—и ни слова...
Въ странномъ молчаньи минута прошла:
    Смотрятъ одинъ на другова...
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
    Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ—передъ первой своей,
    Давно-погибшей любовью.
(Смолоду знали другъ друга они)...
    Круто старикъ измѣнился:
Началъ молиться и ночи и дни,
    Передъ врачами смирился.

Не было средства однако помочь...
    Часъ его смерти былъ страненъ
(Помню я эту печальную ночь):
    Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
    Полный мольбы безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: «живи
    Милый, желанный, сердечной!»
Все, что имѣла она продала—
    Съ честью его схоронила.
Бѣдная! какъ она мало жила!
    Какъ она много любила!
А что̀ любовь ей дала, кромѣ бѣдъ,
    Кромѣ печали и муки?
Смолоду—стыдъ, а на старости лѣтъ—
    Ужасъ послѣдней разлуки!...

«Есть и писатели здѣсь, господа.
    Вотъ, посмотрите: украдкой
Блѣденъ и робокъ подходитъ сюда
    Юноша съ толстой тетрадкой.
Съ юга пѣшкомъ привела его страсть
    Въ дальнюю нашу столицу—
Думалъ бѣдняга въ храмъ славы попасть—
    Радъ, что попалъ и въ больницу!
Всѣмъ онъ читалъ свой ребяческій бредъ—
    Было тутъ смѣху и шуму!
Я лишь одинъ не смѣялся... о, нѣтъ!
    Думалъ я горькую думу.
Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
    Что-то лежитъ роковое:

Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
    Выбрали дѣло другое—
Не было бъ точно, согласенъ и я,
    Жалкихъ писакъ и педантовъ—
Только бы не было также, друзья,
    Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
Чтобъ одного возвеличить, борьба
    Тысячи слабыхъ уноситъ—
Даромъ ничто не дается: судьба
    Жертвъ искупительныхъ проситъ».

Тутъ нашъ пріятель глубоко вздохнулъ,
    Началъ метаться тревожно;
Мы посидѣли пока онъ уснулъ—
    И разошлись осторожно...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ.)

Спи, пострѣлъ, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки—
Правду пропою;
Тыжь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный кликъ:
Твой отецъ подъ судъ попался—
Явныхъ тьма уликъ.

Но отецъ твой, плутъ извѣстный—
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подростешь—и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамѣренъ,
За добро стою!»
Спи—твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выду—
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострѣлъ, пока невинной!
Баюшки-баю.

Тихъ и кротокъ какъ овечка
И крѣпонекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ—
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь домъ многоэтажный,
    Схватишь крупный чинъ
И вдругъ станешь баринъ важный:
    Русскій дворянинъ.
Заживешь—и мирно, ясно
    Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновникъ мой прекрасной!
    Баюшки-баю.

---

* *
*

Отрадно видѣть, что находитъ
Порой хандра и на глупца,
Что иногда въ морщины сводитъ
Черты и пошлаго лица
Бѣсъ благородный скуки тайной,
И на искривленныхъ губахъ
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что въ сердцахъ
И тѣхъ, чьихъ дѣлъ позорныхъ повѣсть
Пройдетъ лишь въ позднихъ племенахъ,
Не все же спитъ мертвецки совѣсть,
И, чуждый насъ, не дремлетъ страхъ.
Что всѣмъ одно въ дали грядущей—
Идемъ къ безвѣстному концу,
. . . .
. . . .

Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великій человѣкъ,

Чьего презрительнаго взора
Не выносилъ никто во-вѣкъ,
Ты лобъ, какъ говорится, мѣдной,
Къ кому всѣ завистью полны—
Дрожишь какъ листъ на вѣткѣ бѣдной
Подъ башмакомъ своей жены.

ФИЛАНТРОПЪ.

Частью по излишней честности,
Частію по простотѣ,
Пропадалъ я въ неизвѣстности —
Пресмыкался въ нищетѣ.
Мѣсто я имѣлъ доходное,
А доходу не имѣлъ:
Безкорыстье благородное!
Да и брать-то не умѣлъ.
Въ Провіантскую Коммиссію
Поступивши, напримѣръ,
Покупалъ свою провизію —
Вотъ какой милліонеръ!
Не взыщите! честность ярая
Одолѣла до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Вѣдь имѣлъ ужъ и дѣтей!
Говорятъ, за эти качества
Я бы въ честь теперь попалъ;
Но была пора подъячества,
Какъ я службу начиналъ.
Сожалѣли по Житоміру:
«Ты-де нищимъ кончишь вѣкъ

И семейство пустишь по-міру,
Безпокойный человѣкъ!»
Я не слушалъ. Сожалѣнія
Въ недовольство перешли:
Оказались упущенія,
Я сплошалъ—и упекли!
Совершилося пророчество
Благомыслящихъ людей:
Холодъ, голодъ, одиночество,
Перемѣнчивость друзей—
Все мы, бѣдные, изведали,
Чашу выпили до дна:
Плачутъ дѣти—не обѣдали,—
Убивается жена,
Проклинаетъ поведеніе,
Гордость глупую мою;
Я брожу какъ привидѣніе,
Но—свидѣтель Богъ—не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлѣбъ...
Такъ мы десять лѣтъ ровнехонько
Бились, волею судебъ.
Вдругъ—извѣстье незабвенное!—
Получаю письмецо,
Что въ столицѣ есть отмѣнное,
Благородное лицо;
Мужъ, которому подобнаго,
Можетъ быть, не знали вы,
Сердца ангельски-незлобнаго
И умнѣйшей головы.
О народномъ просвѣщеніи
Соревнуя, пять частей,

Въ популярномъ изложеніи,
Напечаталъ повѣстей;
Продавалъ въ большомъ количествѣ
Ихъ дешевле пятака,
Вразумить объ электричествѣ
Въ нихъ стараясь мужика.
Въ русскомъ духѣ, молодецкая
Какъ по маслу рѣчь текла,
Хоть фамилія нѣмецкая
У особы той была.
Словно съ равными бесѣдуя,
Онъ и съ нищими учтивъ,
Намъ терпѣнье проповѣдуя,
Какъ Сократъ краснорѣчивъ.
Онъ мое же поведеніе
Мнѣ какъ будто объяснилъ,
И ко взяткамъ отвращеніе
Я тогда благословилъ;
Пересталъ стыдиться бѣдности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидѣтельство зловредности,
А скорѣе—правоты!
Снова благородной гордости
(Человѣкъ самолюбивъ),
Упованія и твердости
Я почувствовалъ приливъ.
«Намъ Господь послалъ спасителя»—
Говорю тогда женѣ—
«Нашимъ крошкамъ покровителя!»
И бѣдняжка вѣритъ мнѣ.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,

Все, какъ слѣдуетъ, развѣдали
И въ столицу поскорѣй.
Прикатили прямо къ сроднику,
Не пустилъ—я въ нумера...
Вся семья моя Угоднику
Въ ночь молилась. Со двора
Вышелъ я чѣмъ свѣтъ. Дорогою,
Чтобъ участіе привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совмѣстилъ въ такую рѣчь:
«Оттого-де нынѣ съ голоду
Умираю, словно тварь,
Что былъ глупъ и честенъ съ молоду,
Зналъ, что значитъ Богъ и Царь.
Не скажу: по справедливости
(Не великъ я генералъ),
По ребяческой стыдливости
Даже съ праваго не бралъ—
И погибъ... Я горе мыкаю,
Я работаю за двухъ,
Но не чаркой—вашей книгою
Подкрѣпляю слабый духъ,
Защитите!»... Не заставили
Ждать минуты ни одной;
Вотъ въ пріемную поставили,
Доложили чередой;
Вотъ идутъ—остановилися.
Я сробѣлъ, чуть живъ стою:
Замеръ духъ, виски забилися
И забылъ я рѣчь свою.
Тёръ и лобъ и переносицу,
Въ потолокъ косилъ глаза,

Бормоталъ лишь околёсицу,
А о дѣлѣ—ни аза!
Изумились, брови сдвинули;
«Что вамъ нужно?» говорятъ.
—Нужно мнѣ... Тутъ слезы хлынули
Совершенно не впопадъ.
Просто вещь непостижимая
Приключилася со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладѣла всей душой.
Все, чѣмъ жизнь богата съ младости
Даже въ нищенскомъ быту—
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту,—
Все, что кануло и сгинуло
Въ треволненьяхъ жизни сей,
Все я вспомнилъ, все прихлынуло
Къ сердцу... Жалкій дуралей!
Подъ вліяніемъ прошедшаго,
Кулакомъ ударя въ лобъ,
Взвылъ я въ родѣ сумасшедшаго
Предъ особой изъ особъ...
Видя плачъ сей уморительный
И въ мундиришкѣ изъянъ,
Человѣкъ благотворительный
Заподозрилъ, что я пьянъ...
Камердинера, холопа ли
Попрекнули, что пустилъ,
И ногами такъ затопали...
Я лишился чувствъ и силъ.
Жаль, однимъ не осчастливили—
Сами не дали пинка...

Пьяницу съ почетомъ вывели
Два огромныхъ гайдука.
Словно кипяткомъ ошпаренной,
Я бѣжалъ, не слыша ногъ,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальныхъ дрогъ,
Мимо магазина швейнаго,
Мимо бань, церквей и школъ,
Вплоть до зданія питейнаго—
И ужь дальше не пошелъ!
Дальше нечего разсказывать!
Минетъ сорокъ лѣтъ зимой,
Какъ я щеку сталъ подвязывать,
Отморозивши хмѣльной.
Чувства словно какъ заржавѣли,
Одолѣла страсть къ вину;
Дѣти пьяницу оставили,
Схоронилъ давно жену.
При отшествіи къ родителямъ,
Хоть кротка была весь вѣкъ,
Попрекнула покровителемъ.
Точно: странный человѣкъ!
Верстъ на тысячу въ окружности
Повѣстятъ свой добрый нравъ,
А осудятъ по наружности:
Неказистъ—такъ и не правъ!
Пишутъ, какъ бы свѣтъ весь за̀-ново
Къ общей пользѣ измѣнить,
А голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить...

СОВРЕМЕННАЯ ОДА.

Украшают тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И—беру небеса во свидѣтели—
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даромъ и гадины,
Ты помочь и злодѣю готовъ,
И червонцы твои не украдены
У сиротъ беззащитныхъ и вдовъ.

Въ дружбу къ сильному влѣзть не желаешь ты,
Чтобъ успѣху дѣлишекъ помочь
И безъ умыслу съ нимъ оставляешь ты
Съ глазу на глазъ красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породою:
«Братья намъ по Христу мужички!»
И родню свою длинно-бородую
Не гоняешь съ порога въ толчки.

Не спрошу я откуда явилося,
Что̀ теперь въ сундукахъ твоихъ есть;
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилося
За твою добродѣтель и честь!...

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И—беру небеса во свидѣтели—
Уважаю тебя глубоко...

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ГАРАНСКАГО.

(Переводъ съ Французскаго: Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in-4°. Paris. 1836.)

Я путешествовалъ недурно: русскій край
Оригинальности имѣетъ отпечатокъ;
Не то, чтобъ въ деревняхъ трактиры были—рай,
Не то, чтобъ въ городахъ писцы не брали взятокъ—
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встрѣтите нигдѣ вы:
Пространство широко раскинутыхъ степей
Лугами здѣсь зовутъ; начнутся ли посѣвы—

Не ждите имъ конца! подобно островамъ
Зеленые лѣса и сѣрыя селенья
Пестрятъ равнину ихъ, и любо видѣть вамъ
Картину сельскаго обычнаго движенья...
Подобно муравью трудолюбивъ мужикъ;
Ни грубости ихъ рукъ, ни лицамъ загорѣлымъ
Я больше не дивлюсь: я видѣть ихъ привыкъ
Въ работахъ полевыхъ чуть не по суткамъ цѣлымъ.
Не только мужики здѣсь преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, «страду»,
И грустно видѣть какъ иныя блѣдны, слабы!
Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ,
Но должнобъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ.
Не такова ли цѣль—въ нѣмецкихъ сертукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?

. . . .

. . . .

. . . . Какія рѣки здѣсь!
Какіе здѣсь лѣса! Пейзажъ природы русской
Современемъ собьетъ, я вамъ ручаюсь, спѣсь
Съ природы рейнской, но только не съ французской!
Во Франціи провелъ я молодость свою;
Предъ ней, какъ говорятъ въ стихахъ, все клонитъ выю,
Но всежъ по совѣсти и громко признаю,
Что я не ожидалъ найти такой Россію!
Природа не дурна: въ томъ отдаю ей честь,—
Я славно ѣлъ и спалъ, подъячимъ не далъ штрафа...
Да, средство странствовать и по Россіи есть—
Съ французской кухнею и съ русскимъ титломъ графа!...

Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому лукавый ихъ языкъ:
Помѣщикъ не живетъ, а нѣмецъ-управитель
Непьющій человѣкъ, но . . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ужели господа въ Россіи таковы?
Я къ многимъ заѣзжалъ: иные точно грубы—
Мужъ *ты* своей женѣ, жена супругу *вы*,
. . . .
Но есть премилые: прилично убранъ домъ,
У дочерей рояль, а чаще фортопьяно,
Хозяинъ съ Франціей и съ Англіей знакомъ,
Хозяйка не заснетъ безъ моднаго романа;
Ну все какъ водится у развитыхъ людей,
Которые глядятъ прилично на предметы
И врядъ ли мужиковъ трактуютъ какъ свиней...

Я также наблюдалъ—въ окно моей кареты—
И бытъ крестьянина: онъ нищеты далекъ!
По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжая,
Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ
И гаркнули: «ура!»... Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: довольны ли?... кричатъ: «довольны всѣмъ!»
—И управителемъ?—«Довольны»... О работахъ
Я съ ними говорилъ, поилъ ихъ—и за тѣмъ,
Бекаса, подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ,

Поѣхалъ далѣе... Я мало съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ,
Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель
Казался между нихъ отецъ и покровитель...

Чего же имъ еще?... А если точно есть
Любители . . . .
Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство—
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бичъ?...
Я книги русскія перебиралъ все лѣто:
Пустѣйшая мораль, напыщенная дичь—
И лучшія темны, какъ стертая монета!
Жаль, дремлетъ русскій умъ. А то чегобъ вѣрнѣй?
Правительство казнитъ открытаго злодѣя,
Сатира дѣйствуетъ и шире и смѣлѣй,
Какъ пуля находитъ виновнаго умѣя.
Сатирѣ ужъ не разъ обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россія)
Услугой важною . . . .

III.

САША.

(Н....у Т....ву.)

1.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,

Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Невесела ты, родная картина!

Что же молчитъ мой озлобленный умъ?...
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,

Любо мнѣ видѣть знакомую ниву—
Дамъ же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало—
Много въ ней правды, да радости мало;

. . . .
. . . .

Родина-мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.

Сколько бъ на нивахъ пустынныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою—
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про погибшую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно—

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Жизнью измятъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:

Только-что ей я объятья раскрылъ—
Хлынули слезы, прибавилось силъ,

Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,

Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Весело въѣхалъ я въ домъ тотъ угрюмой,
Что̀, осѣнивъ сокрушительной думой,

Нѣкогда стихъ мнѣ суровый внушилъ...
Какъ онъ печаленъ, запущенъ и хилъ!

Скучно въ немъ будетъ... Нѣтъ, лучше поѣду,
Благо не поздно, теперь же къ сосѣду

И поселюсь среди мирной семьи...
Славные люди—сосѣди мои.

Славные люди! Радушье ихъ честно,
Лесть имъ противна, а спѣсь неизвѣстна.

Какъ-то они доживаютъ свой вѣкъ?
Онъ уже дряхлый, сѣдой человѣкъ,

Да и старушка немного моложе...
Весело будетъ увидѣть мнѣ тоже

Сашу, ихъ дочь... Недалеко ихъ домъ...
Все ли застану по прежнему въ немъ?

2.

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нѣжно любили.

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.

Всѣмъ окруживъ ея тихое дѣтство,
Что̀ позволяли убогія средства,

Только развить воспитаньемъ, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку—напрасная мука,
Умъ деревенскій пугаетъ наука;

Но сохраняется дольше въ глуши
Первоначальная ясность души,

Рдѣетъ румянецъ и ярче и краше...
Мило и молодо дитятко ваше,—

Бѣгаетъ живо, горитъ какъ алмазъ
Черный и влажный смѣющійся глазъ,

Щеки румяны и полны и смуглы,
Брови такъ тонки, а плечи такъ круглы!

Саша не знаетъ заботъ и страстей,
А ужь шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, подымется рано,
Черныя косы завяжетъ у стана

И убѣжитъ, и въ просторѣ полей
Сладко и вольно такъ дышется ей.

Та ли, другая предъ нею дорожка—
Смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?...
Все такъ спокойно; кругомъ тишина,

Сосны вершинами машутъ привѣтно,
Кажется шепчутъ, струясь незамѣтно,

Волны, подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей:
«Путникъ усталый! бросайся скорѣй

Въ наши объятья: мы добры и рады
Дать тебѣ сколько ты хочешь прохлады».

Полемъ идешь—все цвѣты да цвѣты;
Въ небо глядишь—съ голубой высоты

Солнце смѣется... Ликуетъ природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится рѣка:
Нѣтъ ей простора... неволя горька!

Бѣдная! какъ она вырваться хочетъ!
Брыжжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ;

Но не прорвать ей плотины своей
И не уйти... «Такъ назначено ей»—

Думаетъ Саша—«безумно роптанье»...
Жизни кругомъ разлитой ликованье

Сашѣ порукой, что милостивъ Богъ...
Саша не знаетъ сомнѣнья тревогъ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне—

Саша въ нихъ видитъ довольныхъ судьбой
Мирныхъ хранителей жизни простой;

Знаетъ она, что не даромъ съ любовью
Землю польютъ они пòтомъ и кровью...

Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти семянъ;

Дорого-любо, кормилица нива!
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселѣй нѣтъ поры умолота!
Легкая дружно спорится работа,

Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: «поскорѣй! поскорѣй!»

Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!

Саша проснется—бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ—ни свѣтло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали...
Какъ на подмерзшей грязи натоптали

Лошади, овцы!... Парнымъ молокомъ
Въ воздухѣ пахнетъ... Мотая хвостомъ,

За нагруженной снопами телегой
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой.

Паръ изъ отворенной риги валитъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ;

А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ,

Не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь—
Скоро на отдыхъ пошлетъ ее день...

Саша сбирала цвѣты полевые,
Съ дѣтства любимые, сердцу родные,

Каждую травку сосѣднихъ полей
Знала по имени; нравилось ей

Въ пестромъ смѣшеніи звуковъ знакомыхъ
Птицъ отличать, узнавать насѣкомыхъ...

Время къ полудню, а Саши все нѣтъ.
«Гдѣ же ты, Саша? простынетъ обѣдъ;

«Сашенька! Саша!»... Съ желтѣющей нивы
Слышатся пѣсни простой переливы;

Вотъ раздалося: «ау!» вдалекѣ;
Вотъ надъ колосьями въ синемъ вѣнкѣ

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты куда забѣжала, плутовка!

«Э!... да никакъ колосистую рожь
Переросла наша дочка!»—Такъ чтожъ?—

«Что̀? ничего! понимай какъ умѣешь!
Что̀ теперь надо сама разумѣешь:

«Спѣлому колосу—серпъ удалой,
Дѣвицѣ взрослой—женихъ молодой!»

—Вотъ еще выдумалъ, старый проказникъ!—
«Думай не думай, а будетъ намъ праздникъ!»

Такъ разсуждая, идутъ старики
Сашѣ на-встрѣчу; въ кустахъ у рѣки

Смирно присядутъ, подкрадутся ловко,
Съ крикомъ внезапнымъ: «попалась, плутовка!»

Сашу поймаютъ, и весело имъ
Свидѣться съ дитяткомъ бойкимъ своимъ...

Въ зимніе сумерки нянины сказки
Саша любила. По утру въ салазки

Саша садилась, летѣла стрѣлой,
Полная счастья, съ горы ледяной.

Няня, кричитъ: «не убейся, родная!»—
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится... На полномъ бѣгу
На бокъ салазки—и Саша въ снѣгу!

Выбьются косы, растреплется шубка—
Снѣгъ отряхаетъ, смѣется, голубка!

Не до ворчанья и нянѣ сѣдой:
Любитъ она ея смѣхъ молодой...

Сашѣ случалось знавать и печали:
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали.

Ей и теперь его жалко до слезъ...
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли,

Тамъ поднимался дубокъ молодой...
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,

Пò-низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ мужики съ топорами явились—

Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ...
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ,

Въ темную нору забилась лисица,
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица,

Въ недоумѣньи тащатъ муравьи
Что ни попало въ жилища свои...

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ осинникъ валился,

Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,

Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.

Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ,

Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы

И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной...

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,

И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна—

Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали,

Трепетно листья шумѣли кругомъ...
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ...
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ—

Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!

Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;

Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь ȯ-земь крыломъ;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да какъ безумная галка кричала,

Шумно летая надъ лѣсомъ... но ей
Не отъискать неразумныхъ дѣтей!

Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,

Прыгали, злились... Наскучилъ ихъ крикъ—
И придавилъ ихъ ногою мужикъ...

Утромъ работа опять закипѣла.
Саша туда и ходить не хотѣла,

Да черезъ мѣсяцъ—пришла. Передъ ней
Взрытыя глыбы да тысячи пней;

Только, уныло повиснувъ вѣтвями,
Старыя сосны стояли мѣстами,

Такъ на селѣ остаются одни
Старые люди въ рабочіе дни...

Верхнія вѣтви такъ плотно сплелися,
Словно тамъ гнѣзда тѣхъ птицъ завелися,

Что, по словамъ долговѣчныхъ людей,
Дважды въ пол-вѣка выводятъ дѣтей.

Сашѣ казалось, пришло уже время.
Вылетитъ скоро волшебное племя,

Чудныя птицы посядутъ на пни,
Чудныя пѣсни споютъ ей они.

Саша стояла и чутко внимала...
Въ краскахъ вечернихъ заря догорала—

Черезъ сосѣдній несрубленный лѣсъ,
Съ пышно-румянаго края небесъ

Солнце пронзалось стрѣлой лучезарной,
Шло черезъ пни полосою янтарной

И наводило на дальній бугоръ
Свѣта и тѣней недвижный узоръ...

Долго въ ту ночь, не смыкая рѣсницы,
Думаетъ Саша: что̀ пѣть будутъ птицы?

Въ комнатѣ словно тѣснѣй и душнѣй.
Сашѣ не спится,—но весело ей.

Пестрыя грёзы смѣняются живо,
Щеки румянцемъ горятъ не стыдливо,

Утренній сонъ ея крѣпокъ и тихъ...
Первыя зорьки страстей молодыхъ,

Полны вы чары и нѣги безпечной!
Нѣтъ еще муки въ тревогѣ сердечной;

Туча близка, но угрюмая тѣнь
Медлитъ испортить смѣющійся день,

Будто жалѣя... И день еще ясенъ...
Онъ и въ грозѣ будетъ чудно прекрасенъ,

Но безотчетно пугаетъ гроза...
Эти ли дѣтски живые глаза,

Эти ли полныя жизни ланиты
Грустно поблекнутъ, слезами покрыты?

Эту ли рѣзвую волю во власть
Гордо возьметъ все-губящая страсть?...

Мимо идите, угрюмыя тучи!
Горды вы силой, свободой могучи:

Съ вами ли, грозныя, вынести бой
Слабой и робкой былинкѣ степной?...

3.

Третьяго года, нашъ край покидая,
Старыхъ сосѣдей моихъ обнимая,

Помню, пророчилъ я Сашѣ моей
Добраго мужа, румяныхъ дѣтей,

Долгую жизнь безъ тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

Въ страшной бѣдѣ стариковъ я засталъ.
Вотъ что про Сашу отецъ разсказалъ:

«Въ нашемъ сосѣдствѣ усадьба большая
Лѣтъ уже сорокъ стояла пустая;

Въ третьемъ году наконецъ прикатилъ
Баринъ въ усадьбу и насъ посѣтилъ,

Именемъ: Левъ Алексѣичъ Агаринъ,
Ласковъ съ прислугой, — — — ,

Тонокъ и блѣденъ. Въ лорнетку глядѣлъ,
Мало волосъ на макушкѣ имѣлъ;

Звалъ онъ себя перелетною птицей:
Былъ—говоритъ—я теперь за границей,

Много видалъ я большихъ городовъ,
Синихъ морей и подводныхъ мостовъ—

Все тамъ приволье и роскошь и чудо,
Да высылали доходы мнѣ худо.

Въѣхавъ въ Россію, я встрѣтилъ цыганъ,
Тутъ мнѣ цыганка дала талисманъ,

И напророчила славную долю.—
Мы со старухой дивилися въ-волю,

Саша смѣялась, смѣялся онъ самъ...
Началъ онъ часто похаживать къ намъ,

Началъ гулять, разговаривать съ Сашей,
Да надъ природой подтрунивать нашей—

Есть-де на свѣтѣ такая страна,
Гдѣ никогда не проходитъ весна:

Тамъ и зимою открыты балконы,
Тамъ поспѣваютъ на солнцѣ лимоны,—

И начиналъ, въ потолокъ посмотрѣвъ,
Грустное что-то читать нараспѣвъ,

Право, какъ пѣсня слова выходили...
Господи! сколько они говорили!

Мало того: онъ ей книжки читалъ
И по французски ее обучалъ.

Словно брала ихъ чужая кручина,
Все разсуждали: какая причина

Вотъ ужь который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и слабъ человѣкъ?

Но—говоритъ—не слабѣйте душою:
Солнышко правды взойдетъ надъ землею!

И въ подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался съ ней.

Саша туда же—отстать-то не хочетъ—
Выпить не выпьетъ, а губы обмочитъ;

Грѣшные люди—пивали и мы.
Сталъ онъ прощаться въ началѣ зимы:

Билъ—говоритъ—я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрыя души,

Благословите на дѣло... пора!
Перекрестился—и съѣхалъ съ двора...

Въ первое время печалилась Саша;
Видимъ: скучна ей компанія наша.

Годы ей что ли такіе пришли?
Только узнать мы ее не могли.

Скучны ей пѣсни, гаданья и сказки.
Вотъ и зима!—да не тѣшутъ салазки.

Думаетъ думу, какъ будто у ней
Больше заботъ, чѣмъ у старыхъ людей;

Книжки читаетъ, украдкою плачетъ,
Видѣли: письма все пишетъ и прячетъ.

Книжки выписывать стала сама—
И наконецъ набралась же ума!

Что ни спроси, растолкуетъ, научитъ,
Съ ней говорить никогда не наскучитъ;

А доброта... Я такой доброты
Вѣкъ не видалъ, не увидишь и ты!

Бѣдные всѣ ей пріятели-други:
Кормитъ, ласкаетъ и лечитъ недуги...

Такъ девятнадцать ей минуло лѣтъ.
Мы поживаемъ—и горюшка нѣтъ.

Надо же было вернуться сосѣду!
Слышимъ: пріѣхалъ и будетъ къ обѣду.

Какъ его весело Саша ждала!
Въ комнату свѣжихъ цвѣтовъ принесла,

Книги свои уложила исправно,
Просто одѣлась, да такъ-то ли славно,

Вышла навстрѣчу—и ахнулъ сосѣдъ!
Словно оробѣлъ... Мудренаго нѣтъ:

Въ два-то послѣдніе года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежній румянецъ въ лицѣ заигралъ.
Онъ же блѣднѣй и угрюмѣе сталъ...

Все, что ни дѣлала, что ни читала,
Саша тотчасъ же ему разсказала;

Только не въ прокъ угожденье пошло!
Онъ ей перечилъ, какъ будто на-зло:

Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди рѣшили другое—

Родъ человѣческій жалокъ и золъ...
Да и пошелъ! и пошелъ! и пошелъ!...

Что говорилъ—мы понять не умѣемъ,
Только покоя съ тѣхъ поръ не имѣемъ:

Вотъ ужь сегодня семнадцатый день
Саша тоскуетъ и бродитъ, какъ тѣнь!

Книжки свои то читаетъ, то броситъ,
Гость навѣститъ, такъ молчать его проситъ.

Былъ онъ три раза; однажды засталъ
Сашу за дѣломъ: мужикъ диктовалъ

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила—была у ней жаба.

Онъ поглядѣлъ и сказалъ намъ, шутя:
Тѣшится новой игрушкой дитя!

Саша ушла—не отвѣтила слова...
Онъ было къ ней; говоритъ: «не здорова».

Книжекъ прислалъ—не хотѣла читать
И приказала назадъ отослать.

Плачетъ, печалится, молится Богу...
Онъ говоритъ: «я собрался въ дорогу»—

Сашенька вышла, простилась при насъ,
Да и опять на верху заперлась.

Чтожь? .. онъ письмо ей прислалъ. Между нами:
Грѣшные люди, съ испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайкомъ:
Руку свою предлагаетъ ей въ немъ!

Саша сначала отказъ отослала,
Да ужь потомъ намъ письмо показала.

Мы уговаривать: чѣмъ не женихъ?
Молодъ, богатъ, да и правомъ-то тихъ.

«Нѣтъ, не пойду». А сама не спокойна;
То говоритъ: «я его не достойна»—

То: «онъ меня не достоинъ: онъ сталъ
Золъ и печаленъ и духомъ упалъ!»

А какъ уѣхалъ, такъ пуще тоскуетъ,
Письма его потихоньку цалуетъ!...

Что тутъ такое? родной, объясни!
Хочешь, на бѣдную Сашу взгляни...

Долго ли будетъ она убиваться?
Или ужь ей не пѣвать, не смѣяться,

И погубилъ онъ бѣдняжку навѣкъ?...
Ты намъ скажи: онъ простой человѣкъ,

Или какой чернокнижникъ-губитель?
Или не самъ ли онъ бѣсъ-искуситель?...»

4.

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по прежнему жить:

Саша поправится—Богъ ей поможетъ...
Околдовать никого онъ не можетъ:

Онъ... не могу приложить головы
Какъ объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
Въ нашемъ отечествѣ создало время!

Это не бѣсъ, искуситель людской,
Это, увы!—современный герой!

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ—
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,

Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,

Благо итти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала да разумъ развитой.

«Нѣтъ, я души не растрачу моей
Въ мелкихъ дѣлахъ и тревогахъ людей:

Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ—говоритъ—осчастливить хочу»—

Чтожъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умыслу губитъ.

Знаете, въ наши великіе дни
Книги не шутка: укажутъ они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ они силъ на благое,

Но не научатъ любить глубоко...
Дѣло вѣковъ поправлять не легко!

Все что возвышенно, что благородно
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!

Любитъ онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
А доведись—комара не обидитъ!

Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ—не кровь!

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
Тò на душѣ его сверху и ляжетъ:

Вѣритъ, не вѣритъ—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Чтò вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;

Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,
Только навѣрное сѣять пойдетъ.

Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ;

Если жь за дѣло возьмется—бѣда!
Міръ виноватъ въ неудачѣ тогда;

Чуть по-ослабнутъ нетвердыя крылья,
Бѣдный кричитъ: «безполезны усилья!»

И ужь куда какъ становится золъ
Крылья свои опалившій орелъ...

Поняли?... нѣтъ!... Ну бѣда небольшая!
Лишь поняла бы бѣдняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное все сдѣлаетъ время...
Сѣетъ онъ все таки доброе сѣмя!

Въ нашей степной полосѣ что ни шагъ,
Знаете вы—то бугоръ, то оврагъ:

Въ лѣтнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцемъ, песчаны и наги,—

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повѣетъ весной

Съ теплаго края . . . .
. . . .

Красное солнце растопитъ снѣга,
Рѣки покинутъ свои берега,—

Чуждыя волны кругомъ разливая,
Будетъ и дерзокъ и полонъ до края

Жалкій оврагъ... Пролетѣла весна—
Выжжетъ опять его солнце до дна,

Но уже зрѣетъ на нивѣ поемной,
Что оросилъ онъ волною заемной,

Пышная жатва... Нетронутыхъ силъ
Въ Сашѣ такъ много сосѣдъ пробудилъ...

Эхъ! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и вѣрьте, друзья: благодатна

Всякая буря душѣ молодой—
Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой.

Чѣмъ неутѣшнѣе дитятко ваше,
Тѣмъ встрепенется свѣтлѣе и краше:

Въ добрую почву упало зерно—
Пышнымъ плодомъ отродится оно!

———

IV.

МУЗА.

Нѣтъ, Музы ласково-поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо какъ духъ
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,

Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ...

Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею... Но тотъ же скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ.
Все слышалися въ немъ въ смѣшеніи безумномъ:
Расчеты мелочной и грязной суеты
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы.
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: мщеніе! и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ!

Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной.
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой,

«Прощай врагамъ своимъ!» шептала надо мной...

Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда наконецъ обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточенный бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрезъ бездны темныя отчаянья и зла,
Труда и голода она меня вела—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила...

НОВЫЙ ГОДЪ.

Что̀ новый годъ, то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ и невѣждъ.
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ
Надежды въ сердцѣ не таитъ!...

Давно ли ликовалъ народъ
И радовался міръ,
Когда рождался прошлый годъ
При звукахъ чашъ и лиръ?
И чье суровое чело
Лучемъ надежды не цвѣло?

Но меньше ль видѣлъ онъ могилъ,
Вражды и нищеты?
Въ немъ каждый день убійцей былъ
Какой нибудь мечты;
Не пощадилъ онъ никого,
И не далъ людямъ ничего!

При звукахъ тѣхъ же чашъ и лиръ,
Обычной чередой
Безстрастный гость вступаетъ въ міръ
Безстрастною стопой—
И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!

И благо!... Съ чашами въ рукахъ
Да будетъ встрѣченъ гость,
Да разлетится горе въ прахъ,
Да умирится злость—
И въ обновленныя сердца
Да снидетъ радость безъ конца!

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ,
И то, что съ жизни взято разъ
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Пускай кипитъ веселый рой
Мечтаній молодыхъ—
Имъ предадимся всей душой...
А время скоситъ ихъ?—
Что нужды! Снова въ свой чередъ
Въ насъ воскреситъ ихъ новый годъ...

---

* *
*

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я унылъ и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ;

Ты хохочешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глупыхъ бранишь,
То, понуривъ головку уныло,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь.

Такъ добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненаглядные глазки
Такъ голубятъ и гладятъ меня,

Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И впередъ—въ это темное море—
Безъ обычнаго страха гляжу...

ПАМЯТИ ПРІЯТЕЛЯ.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли;
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ—
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возростилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ вѣтренное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

ПЕРЕДЪ ДОЖДЕМЪ.

Заунывный вѣтеръ гонитъ
Стаю тучъ на край небесъ,
Ель надломленная стонетъ,
Глухо шепчетъ темный лѣсъ.

На ручей, рябой и пестрой,
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей сухой и острой
Набѣгаетъ холодокъ.

Полумракъ на все ложится;
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.

Надъ проѣзжей таратайкой
Спущенъ верхъ, перёдъ закрытъ;
И «пошелъ!» привставъ съ нагайкой,
Ямщику деньщикъ кричитъ...

---

* *
*

Тяжелый крестъ достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю,
Все отдала—тотъ сталъ ея палачъ!

Давно ни съ кѣмъ она не знаетъ встрѣчи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумныя, язвительныя рѣчи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты ревностью истерзана моей;
Не говори!... близка моя могила,
А ты цвѣтка весенняго свѣжѣй!

«Тотъ день, когда меня ты полюбила
И отъ меня услышала: люблю—
Не проклинай! Близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

«Не говори, что дни твои уныли,
Тюремщикомъ больнаго не зови:
Передо мной—холодный мракъ могилы,
Передъ тобой—объятія любви!

«Я знаю: ты другаго полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебѣ...
О, погоди! близка моя могила—
Начатое и кончить дай судьбѣ!»...

Ужасные, убійственные звуки!...
Какъ статуя прекрасна и блѣдна,
Она молчитъ, свои ломая руки...
И что сказать моглабъ ему она?...

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Ахъ, были счастливые годы!
Жилъ шумно и весело я,
Имѣлъ я большіе доходы,
Со мной пировали друзья;

Я съ ними послѣднимъ дѣлился,
И не было дружбы нѣжнѣй,
Но мой кошелекъ истощился—
И нѣтъ моихъ милыхъ друзей!

Теперь у постели больнова—
Какъ зимняя вьюга шумитъ—
Въ ночной своей кофтѣ, сурово
Старуха-Забота сидитъ.

Скрипя, раздираетъ мнѣ ухо
Ея табакерка порой...
Какъ страшно киваетъ старуха
Сѣдою своей головой!...

Случается, снова мнѣ снится
То полное счастья житье,
И станетъ отраднѣе биться
Изнывшее сердце мое...

Вдругъ скрипъ, раздирающій ухо—
И мигомъ исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зѣваетъ и креститъ уста.

---

* *
*

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства,

Ему сочувствіе въ толпѣ
Какъ ропотъ волнъ ласкаетъ ухо.
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ —
Сей пытки творческаго духа;

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его коварно не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,—

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ поймутъ
И какъ любилъ онъ ненавидя!

---

* *
*

(ИЗЪ ЛАРРЫ.)

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже развратъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.
Застигнутый въ расплохъ, стремительно и шумно
Я въ мутный ринулся потокъ,
И молодость мою постыдно и безумно
Въ развратѣ безобразномъ сжегъ...
Внезапно оторвавъ привычныя объятья
Отъ негодующихъ друзей,

Напрасно посылалъ я позднія проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули въ груди растраченныя силы—
Мой ропотъ ихъ не пробудилъ;
Пустынной тишиной и холодомъ могилы
Смѣнился юношескій пылъ,
И въ новый путь, съ хандрой, болѣзненно развитой,
Пошелъ безъ цѣли я тогда,
И думалъ, что душѣ, довременно убитой,
Ужь не воскреснуть никогда.
Но я тебя узналъ... Для жизни и волненій
Въ груди проснулось сердце вновь:
Вліянье раннихъ бурь и мрачныхъ впечатлѣній
Съ души изгладила любовь...
Во мнѣ опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мнѣ избытокъ слезъ и жгучаго страданья
Отраднѣй мертвой пустоты...

---

* *
*

Мы съ тобой безтолковые люди:
Чтò минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди
Неразумное, рѣзкое слово,—

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнуетъ и мучитъ!
Будемъ, другъ мой, сердиться открыто:
Легче миръ и скорѣе наскучитъ.

Если проза въ любви неизбѣжна,
Такъ возмемъ и съ нея долю счастья:
Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья...

———

СВАТЬБА.

Въ сумерки въ церковь вхожу. Малолюдно,
Свѣтятъ лампады печально и скудно,
Темны просторнаго храма углы;
Длинныя окна, то полныя мглы,
То озаренныя бѣглымъ мерцаньемъ,
Тихо колеблются съ робкимъ бряцаньемъ;
Въ куполѣ темень такая виситъ,
Что поглядѣть туда—дрожь пробѣжитъ!
Съ каменныхъ плитъ и со стѣнъ полутёмныхъ
Сыростью вѣетъ; на петляхъ огромныхъ
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нѣтъ богомольцевъ, не служба теперь—
Сватьба. Вѣнчаются люди простые.
Вотъ у налоя стоятъ молодые:
Парень-ремесленникъ фертомъ глядитъ,
Красенъ съ лица и съ затылка подбритъ—
Видно: разгульнаго сорта дѣтина!

Рядомъ невѣста: такая кручина
Въ блѣдномъ лицѣ, что глядѣть тяжело...
Бѣдная женщина! Что васъ свело?

Вижу я, станъ твой немного полнѣе,
Чѣмъ бы... Я понялъ! Стыдливо краснѣя
И нагибаясь, свой длинный платокъ
Ты на него потянула... Увлекъ
Видно гуляка подаркомъ да лаской,
Пѣсней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потомъ не спала,
Сколько ты плакала!... Онъ не оставилъ,
Волей ли, нѣтъ ли, онъ дѣло поправилъ—
Богъ не безъ милости—ты спасена...
Что же ты такъ безнадежно грустна?

Ждетъ тебя много попрековъ жестокихъ,
Дней трудовыхъ, вечеровъ одинокихъ:
Будешь ребенка больнаго качать,
Буйнаго мужа домой поджидать,
Плакать, работать—да думать уныло,
Что̀ тебѣ жизнь молодая сулила,
Чѣмъ подарила, что̀ дастъ впереди...
Бѣдная! лучше впередъ не гляди!

———

ВОСПОМИНАНІЕ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Въ тоскѣ по юности моей
И въ мукахъ разрушенья
Прошедшихъ невозвратныхъ дней
Припомнивъ впечатлѣнья,

Одно изъ нихъ я полюбилъ
Будить въ душѣ суровой,
Одну изъ множества могилъ
Оплакалъ скорбью новой...

Я помню: занавѣсь взвилась,
Толпа угомонилась—
И ты на сцену въ первый разъ
Какъ свѣтлый день явилась.

Театръ гремѣлъ: и дилетантъ
И скептикъ хладнокровной
Твое искусство, твой талантъ
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видалъ
Красивѣе головокъ;
Твой голосъ ласково звучалъ,
Твой каждый шагъ былъ ловокъ;

Дышали милыя черты
Счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ...
Но лучшебъ воротилась ты
Со сцены съ неуспѣхомъ!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы—
Ты благородно поняла
Призваніе актрисы:

Исканья старыхъ богачей
И молодыхъ нахаловъ,
Куплеты блѣдныхъ риѳмачей
И вздохи театраловъ—

Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной—
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И чтожь? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить рѣшились клеветой
Бездушные невѣжды!

Переходя изъ устъ въ уста,
Коварна и безчестна,
Крылатымъ змѣемъ клевета
Носилась повсемѣстно—

И все заговорило вдругъ...
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подругъ
Не тонкіе намеки...

Душа твоя была нѣжна,
Прекрасна какъ и тѣло,
Клеветъ не вынесла она,
Враговъ не одолѣла!

Ихъ говоръ лишь тогда затихъ
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сцены не сходила:

Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекрасенъ:
Горѣлъ огнемъ глубокій взглядъ,
Пронзителенъ и ясенъ;

Пылали щеки; голосъ сталъ
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца какъ прежде
Твой голосъ, погасая, пѣлъ
О счастьи и надеждѣ.

Не такъ ли звѣздочка въ ночи
Срываясь, упадаетъ
И на лету свои лучи
Послѣдніе роняетъ?...

ПИСЬМА.

Плачь, горько плачь! Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Они на-вѣкъ погибли, какъ любовь,
Которая ихъ сердцу диктовала!
Хранились въ нихъ души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзіи роскошные цвѣты,—
Благоуханье молодости ясной!
И пусть бы жизнь ихъ ложью назвала—
Она давно въ нихъ вѣру колебала,—
Нѣтъ, та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,

. . . .

. . . .

14 ІЮНЯ 1854 ГОДА.

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи:
Пожаръ войны полміра обхватилъ
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконецъ приблизились—стоятъ
Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... и наступаетъ время,
Когда Рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО.

(ОТРЫВОКЪ.)

Мы всѣ привыкли любоваться
Громаднымъ городомъ своимъ,
Но слишкомъ рано просыпаться
Друзьямъ и недругамъ моимъ
Я не совѣтую. Едва ли
Онъ очаруетъ васъ съ утра;
Подобно опустѣлой залѣ,
Гдѣ пировали вы вчера,
Въ обломкахъ оргіи безумной
Онъ некрасивъ, нашъ городъ шумной!
И лишь Нева—его душа—
Въ немъ неизмѣнно хороша...
Стоятъ, какъ крѣпости пустыя,
Въ туманѣ мокрые дома,
Желѣзнымъ болтомъ запертыя,
Угрюмы лавки какъ тюрьма.
Ихъ постепенно отворяютъ,
Товару въ окнахъ прибавляютъ,—

Такъ ставитъ съ вечера капканъ
Охотникъ, на добычу падкой...
Вотъ солнце глянуло украдкой,
Но одолѣлъ его туманъ,
И снова мрачно. Пѣшеходы
Бредутъ полны своей заботы.

. . . .

Проѣхалъ возъ. Ни русъ, ни сѣдъ,
Чухонецъ имъ курносый правилъ
И ельника зеленый слѣдъ
На мокрой улицѣ оставилъ—
Покойникъ будетъ. Вотъ и онъ!
До пышныхъ дожилъ похоронъ:
Четверкой дроги. Гробъ угрюмой
Стоитъ высоко подъ парчой;
Идетъ родня съ печальной думой,
Поникнувъ молча головой;
Плетутся дряхлыя кареты,
То тамъ, то тутъ, полуодѣты
Изъ оконъ женщины глядятъ...
Прохожій крестится сурово...
Прошла процессія—и снова
Все пусто. Вотъ идетъ солдатъ
За фурой, въ родѣ погребальной;
Глядитъ оттуда глазъ печальной
И видно блѣдное лицо...
Но будетъ... Что̀ теперь ни встрѣтишь,
На всемъ унынья слѣдъ замѣтишь...
Но вотъ парадное крыльцо

Въ богатомъ домѣ отворяетъ
Какой-то рослый молодецъ...
Теперь-то утро наступаетъ:
Туманъ осиливъ наконецъ,
Бросаетъ солнце лучъ радушной
На площадь, храмы и мосты —
И нѣтъ слѣдовъ заботы скучной
И недовольной нищеты,
Какъ будто появляться вредно,
При полномъ водвореньи дня,
Всему, что зелено и блѣдно,
Несчастно, голодно и бѣдно,
Что ходитъ голову склоня!
Теперь гляди на городъ шумной,
Теперь онъ веселъ и богатъ!
Несется въ толкотнѣ безумной
Блестящихъ экипажей рядъ;
Кричатъ возницы: «прочь съ дороги!»
Подъ дышломъ смѣльчаки снуютъ,
И съ похоронъ обратно дроги
Пустыя весело бѣгутъ...

---

* *
*

Пускай мечтатели осмѣяны давно,
Пускай въ нихъ многое дѣйствительно смѣшно,
Но все же я скажу, что мнѣ въ часы разлуки
Отраднѣе всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усиліемъ мечты
Изъ мрака вызывать знакомыя черты,
Въ минуты горькаго раздумья и печали
Бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вмѣстѣ мы гуляли,—
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь блѣдною и грустною луной,
Припоминать тотъ садъ, ту темную аллею,
Откуда мы луной плѣнялись вмѣстѣ съ нею,
Но больше нашею любовію полны,
Чѣмъ тихимъ вечеромъ и прелестью луны,
Влюбленные глаза другъ къ другу обращали
И въ долгій поцалуй уста свои сливали...

* *
*

«Самодовольныхъ болтуновъ,
Охотниковъ до споровъ модныхъ,
Гдѣ много благородныхъ словъ,
А дѣлъ не видно благородныхъ,
Ты откровенно презиралъ;
Ты не однажды предсказалъ
Конецъ велерѣчивой ошибки,
И слово: «русскій либералъ»
Произносилъ не безъ улыбки.
Ты силу собственной души
Безсильемъ ихъ надменно мѣрилъ
И добродушно ей ты вѣрилъ.
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотилъ бы бѣдняка,
Но дѣдъ и бабка были живы,
И самъ ты не имѣлъ куска.
И долго спали сномъ позорнымъ

Благіе помыслы твои,
Какъ дремлютъ подо льдомъ упорнымъ
Рѣчныя вольныя струи.
Ты ихъ лелѣялъ на соломѣ,
И только примѣнять ихъ могъ
Ко псу, который въ жалкомъ домѣ
Пожитки жалкіе стерегъ.
И правда: пёсъ былъ сытъ и жиренъ
И спалъ все, дворнику на-зло.
Теперь... теперь твой кругъ обширенъ;
Взгляни: богатое село
Лежитъ, обставлено скирдами,
Спускаясь по горѣ къ ручью,
А избы полны мужиками»...

Въѣзжая въ вотчину свою,
Такими мыслями случайно
Былъ Рѣшетиловъ осажденъ,
И поблѣднѣлъ необычайно
И долго, долго думалъ онъ...

---

* *
*

Чуть-чуть не говоря: «ты сущая ничтожность!»
Стиховъ моихъ печатный судія
Совѣтуетъ большую осторожность
Въ употребленьи буквы «я».
Винюсь: ты правъ, усердный мой цѣнитель
И общихъ мѣстъ присяжный расточитель, —
Противъ твоей я публики грѣшу,
Но только я не для нея пишу.
Увы! писать для публики, для свѣта
Удѣлъ не всякаго поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музѣ гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою бѣду
Пою для васъ... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастіе въ другомъ?
Кто болѣнъ самъ, тотъ весело и жадно
Внимаетъ вѣсти о больномъ...

ЗА ГОРОДОМЪ.

«Смѣшно! насъ веселитъ ручей, вдали журчащій,
И этотъ темный дубъ, таинственно шумящій;
Насъ тѣшитъ пѣснею задумчивой своей,
Какъ праздныхъ юношей, вечерній соловей;
Далекій сводъ небесъ, усѣянный звѣздами,
Намъ кажется простертъ съ любовію надъ нами;
Любуясь мѣсяцемъ, оглядывая даль,
Мы чувствуемъ въ душѣ ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чѣмъ такъ довольны мы?... Вѣдь мы уже не дѣти!
Ужель поденный трудъ наклонности къ мечтамъ
Еще въ насъ не убилъ?... И намъ ли, бѣднякамъ,
На отвлеченныя природой наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья?»...
—Э! полно разсуждать! искать всему причинъ!
Деревня согнала съ души давнишній сплинъ,

Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бѣдности безсмѣнная забота—
И сердцу весело... И лучше поскорѣй
Судьбѣ воздать хвалу, что въ нищетѣ своей,
Лишенные даровъ довольства и свободы,
Мы живо чувствуемъ сокровища природы,

. . . .

. . . .

---

* *
*

Безвѣстенъ я. Я вами не стяжалъ
Ни почестей, ни денегъ, ни похвалъ,
Стихи мои—плодъ жизни несчастливой,
У отдыха похищенныхъ часовъ,
Сокрытыхъ слезъ и думы боязливой;
Но вами я не восхвалялъ глупцовъ,
Но съ подлостью не заключалъ союза,
Нѣтъ! свой вѣнецъ терновый приняла,
Не дрогнувъ, обезславленная Муза
И . . . .

ВЛЮБЛЕННОМУ.

Какъ вѣсти о дорогѣ трудной,
Когда-то пройденной самимъ,
Внимаю рѣчи безразсудной,
Надеждамъ розовымъ твоимъ.
Любви безумными мечтами
И я по твоему кипѣлъ,
Но я дѣлить ихъ не хотѣлъ
Съ моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томимъ боязнію ревнивой,
Не допускалъ я никого
Въ тайникъ души моей стыдливой.
За то теперь, когда угасъ
Въ груди тотъ пламень благодатной,
О прошломъ счастіи разсказъ
Твержу съ отрадой непонятной.
Такъ проникаемъ мы легко
И въ недоступное жилище,
Когда хозяинъ далеко,
Или почіетъ на кладбищѣ.

---

* *
*

Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день —
Другъ беззащитный, больной и бездомной,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!

Сердце сожмется мучительной думой.
Съ дѣтства судьба не взлюбила тебя:
Бѣденъ и золъ былъ отецъ твой угрюмой,
Замужъ пошла ты — другаго любя.

Мужъ тебѣ выпалъ недобрый на долю:
Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, какъ больной и голодной
Я унывалъ, выбивался изъ силъ?
Въ комнатѣ нашей, пустой и холодной,
Паръ отъ дыханья волнами ходилъ.

Помнишь ли трубъ заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвѣтъ, полутьму?
Плакалъ твой сынъ, и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.

Онъ не смолкалъ—и пронзительно звонокъ
Былъ его крикъ... Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей!

Съ горя да съ голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купитъ хозяинъ, съ проклятьемъ, три гроба—
Вмѣстѣ свезутъ и положатъ рядкомъ!...

Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню: была ты блѣдна и слаба;
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума,
Въ сердцѣ твоемъ совершалась борьба.

Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.

Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили...
Случай насъ выручилъ? Богъ ли помогъ?

Ты не спѣшила печальнымъ признаньемъ,
Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ!...

Гдѣ ты теперь? Съ нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?

Ктожъ защититъ тебя? Всѣ безъ изъятья
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ,
Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
И безполезно замрутъ!...

(ИЗЪ ЛАРРЫ.)

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу день за днемъ безполезно губя;

Что я, силы своей не пытавъ ни на чемъ,
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ

И, лѣниво твердя: я ничтоженъ, я слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался какъ рабъ;

Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,

Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подъ часъ позавидовать могъ!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратилъ свой вѣкъ никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь міръ,
А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сиръ,

И что злоба во мнѣ и сильна и дика,
А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука!

* *
*

Такъ это шутка? Милая моя,
Какъ боязливъ, какъ недогадливъ я!
Я плакалъ надъ твоимъ расчитанно-суровымъ,
Короткимъ и сухимъ письмомъ;
Ни лаской дружеской, ни откровеннымъ словомъ
Ты сердца не порадовала въ немъ.
Я спрашивалъ: не демонъ ли раздора
Твоей рукой насмѣшливо водилъ?
Я говорилъ: «когда бъ насъ разлучила ссора—
Но такъ тяжелъ, такъ горекъ, такъ унылъ,
Такъ нѣженъ былъ послѣдній часъ разлуки...
Еще твой другъ забыть его не могъ,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнѣнія, догадокъ и тревогъ—
Скажи, зачѣмъ?... Не ложью ли пустою,
Разсѣянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительнымъ недугомъ,
Ты надъ своимъ отсутствующимъ другомъ
Безъ оправданья судъ произнесла?

Или то былъ одинъ капризъ случайной,
Иль давній гнѣвъ?»... Неразрѣшимой тайной
Я мучился: я плакалъ и страдалъ,
Въ догадкахъ умъ испуганный блуждалъ,
Я жалокъ былъ въ отчаяньи суровомъ...

Всему конецъ! своимъ единымъ словомъ
Душѣ моей ты возвратила вновь
И прежній миръ и прежнюю любовь;
И сердце шлетъ тебѣ благословенья,
Какъ вѣстницѣ нежданнаго спасенья...

Такъ няня въ лѣсъ ребенка заведетъ
И спрячется сама за кустъ высокой;
Встревоженный, онъ ищетъ и зоветъ,
И мечется въ тоскѣ жестокой,
И падаетъ, безсильный, на траву...
А няня вдругъ: ау!–ау!
Въ немъ радостью внезапной сердце бьется;
Онъ все забылъ: онъ плачетъ и смѣется,
И прыгаетъ, и весело бѣжитъ,
И падаетъ—и няню не бранитъ,
Но къ сердцу жметъ виновницу испуга,
Какъ отъ бѣды избавившаго друга...

НЕ СЖАТАЯ ПОЛОСА.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,—

Заецъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?»...

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
—Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.—

---

* *
*

Я посѣтилъ твое кладбище,
Подруга трудныхъ, трудныхъ дней!
И образъ твой свѣтлѣй и чище
Рисуется душѣ моей.
Бывало, натерпѣвшись муки,
Уставъ и тѣломъ и душой,
Съ запасомъ молчаливой скуки
Встрѣчался мрачно я съ тобой.
Ни смѣхъ, ни говоръ твой веселый
Не прогоняли грустныхъ думъ;
Они бѣсили мой тяжелый,
Больной и раздраженный умъ.
Я думалъ: нѣтъ въ душѣ безпечной
Сочувствія душѣ моей,
И горе въ глубинѣ сердечной
Держалось дольше и сильнѣй...

Увы, то время невозвратно!
Въ ошибкахъ юность не вольна:

Безъ слезъ ей горе не понятно,
Безъ смѣху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы...

. . . .

Я поминутно видѣлъ слезы
И часто смѣхъ твой вспоминалъ.
Теперь мнѣ дороги и милы
Тѣ грустно прожитые дни,—
Какъ много нѣжности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу съ упрекомъ и тоскою:
«Зачѣмъ я не цѣнилъ тогда?»
И часто ты передо мною
Стоишь—жива и молода:
Глаза блистаютъ, локонъ вьется,
Ты говоришь: «будь веселѣй?»
И звонкій смѣхъ твой отдается
Больнѣе слезъ въ душѣ моей...

СТАРЫЯ ХОРОМЫ.

(ИЗЪ ЛАРРЫ.)

(Валерьяну Панаеву.)

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ людей
Завидовалъ житью собакъ и лошадей;
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ деспотомъ бывалъ, случалося, и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенной,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...

Воспоминанія дней юности—извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ—
Наполнивъ грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной...

Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальной?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ... о! знаю, знаю я!..
На-вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ!...

И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужь также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дому гаеровъ, любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой.

Вотъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ,
А встарь?... Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.

Я къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня! сколько разъ
Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?...

Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что, жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!...

И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

---

* *
*

(ИЗЪ ШЕНЬЕ.)

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревогъ, полна утратъ,
Разстаться было неизбѣжно—
И за тебя теперь я радъ!
Но съ той поры какъ все кругомъ меня пустынно!
Отдаться не могу съ любовью ни чему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоденъ я къ дѣлу своему.
Не зналъ бы я, зачѣмъ встаю съ постели,
Когда бъ не мысль: авось и прилетѣли
Сегодня, наконецъ, завѣтные листы,
Въ которыхъ мнѣ разскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь ты? легко ли
Подъ дальнимъ небомъ дышется тебѣ?
Грустишь ли ты, жалѣя прежней доли,
Охотно-ль повинуешся судьбѣ?

Желалъ бы я, чтобъ сонное забвенье
На долгій срокъ мнѣ на душу сошло,
Когда бъ мое воображенье
Блуждать въ прошедшемъ не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Такъ бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу съ самимъ собою,
И не убитую борьбою,
Но съ каждымъ днемъ сильнѣй пылавшую любовь.
Какъ долго ты была сурова,
Какъ ты хотѣла вѣрить мнѣ,
И какъ и вѣрила и колебалась снова,
И какъ повѣрила вполнѣ!
(Счастливый день! Его я отличаю
Въ семьѣ обыкновенныхъ дней;
Съ него я жизнь мою считаю,
Я праздную его въ душѣ моей!)
Я вспомнилъ все... однимъ воспоминаньемъ,
Однимъ прошедшимъ я живу—
И то, что̀ въ немъ казалось намъ страданьемъ
И то теперь я счастіемъ зову...

А ты?... ты также ли печали предана?

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Скажи! я долженъ знать... Какъ странно я люблю!
Я счастія тебѣ желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнететъ тоска разлуки,
Души моей смягчаетъ муки...

ЗАСТѢНЧИВОСТЬ.

Ахъ ты, страсть роковая, безплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмѣетъ насъ красавица модная.
Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
Чтò ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша,
А вотъ я-то войду какъ потерянный—
И ударится въ пятки душа!

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Какъ свинцомъ налита голова,
Странно руки торчатъ безполезныя,
На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь—непроворная, жосткая,
Не въ улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу—шутка плоская:
Покраснѣю мучительно я!

Помѣщусь, молчаливо досадуя,
Въ дальній уголъ... уныло смотрю
И сижу, неподвиженъ какъ статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня горемычнаго
Дуракомъ ты на свѣтъ создала?
Ни умишка, ни вида приличнаго,
Ни довольства собой не дала?»...

Ахъ! судьба ль меня полно обидѣла?
Отчего жь, какъ домой ворочусь,
(Удивилась бы, еслибъ увидѣла)
И уменъ и пригожъ становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: самъ бы сказалъ не глупѣй...
Нѣтъ! мнѣ въ Божьихъ дарахъ не отказано
И лицомъ я не хуже людей!

Малодушье пустое и дѣтское,
Не хочу тебя знать съ этихъ поръ!
Я пойду въ ея общество свѣтское,
Я тамъ буду уменъ и остеръ!

Пусть пойметъ, что свободно и молодо
Въ этомъ сердцѣ волнуется кровь,
Что подъ маской наружнаго холода
Безконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшаго,
Въ сердцѣ искру надежды беречь!
Не стряхнуть роковаго прошедшаго
Мнѣ съ моихъ невыносливыхъ плечъ!

Придавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ,
Безталанная долюшка слезная
Извела, доканала въ конецъ!

Знаю я: сожалѣнье постыдное,
Что какъ червь копошится въ груди,
Да сознанье безсилья обидное
Мнѣ осталось одно впереди...

---

* *
*

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Одни я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

---

* *
*

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ усталъ отъ мучительныхъ думъ,
Такъ глубоко, глубоко спокоенъ
Мой больной, раздражительный умъ,

Что недугъ, мое сердце гнетущій,
Какъ-то горько меня веселитъ—
Въ-стрѣчу смерти, грозящей, идущей,
Самъ пошолъ бы... Но сонъ освѣжитъ—

Завтра встану и выбѣгу жадно
Въ-стрѣчу первому солнца лучу,—
Вся душа встрепенется отрадно
И мучительно жить захочу.

А недугъ, сокрушающій силы,
Будетъ также и завтра томить,
И о близости темной могилы
Также внятно душѣ говорить...

* *
*

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;

Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,

И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Мнѣ лучь божественный участья
Весь темный путь твой освѣтилъ:
Я понялъ все, дитя несчастья!
Я все простилъ и все забылъ.

Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?

Не вѣрь толпѣ—пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣю въ груди,
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

СТАРИКИ.

Неизбѣжныя напасти,
Бремя лѣтъ, трудовъ и зла
Унесли изъ нашей страсти
Много свѣту и тепла.

Сердце—времени послушно—
Бьется ровной чередой,
Разстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таиться другъ отъ друга?
Посѣдѣлъ я—видишь ты;
И въ тебѣ, моя подруга,
Нѣту прежней красоты.

Чтожь осталось въ жизни нашей?
Ты молчишь... печальна ты...
Не случилось ли съ Парашей—
Сохрани Господь—бѣды?...

НА РОДИНѢ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ—
Цвѣтутъ, ростутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ.....
Нейдетъ мнѣ въ-прокъ!

БУРЯ.

Долго не сдавалась Любушка сосѣдка,
Наконецъ шепнула: «есть въ саду бесѣдка,

Какъ темнѣе станетъ—понимаешь ты?»...
Ждалъ я, изстрадался, ночки—темноты!

Кровь-то молодая: закипитъ—не шутка!
Да взглянулъ на небо—и повѣрить жутко!

Небо обложилось тучами кругомъ...
Полилъ дождь ручьями—прокатился громъ!

Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмой—
«Свидѣться сегодня лучше и не думай!

Люба бѣлоручка, Любушка пуглива,
Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ-диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Еслибъ... да настолько любитъ ли она?»...

Безъ надежды, скученъ прихожу въ бесѣдку,
Прихожу и вижу—Любушку сосѣдку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мнѣ заботы обсушить голубку!

Да за то съ той ночи я бровей не хмурю,
Только усмѣхаюсь, какъ заслышу бурю...

ПОСЛѢДНІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милыя, постылы
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ,—
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтелъ умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идетъ;
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ;
Теперь бы могъ я сдѣлать что нибудь,—
Но поздно!... Я какъ путникъ безразсудной,
Пустившійся въ далекій, долгій путь,
Не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной:

Кругомъ все чуждо, нѣгдѣ отдохнуть,
Стоитъ онъ, блѣдный, средь большой дороги...
Никто его не призрѣлъ, не подвезъ:
Промчалась тройка, проскрипѣлъ обозъ —
Все мимо, мимо!... Подкосились ноги,
И онъ упалъ... Тогда къ нему толпой
Сойдутся люди—смущены, унылы,
Почтятъ его ненужною слезой
И подвезутъ охотно до могилы...

2.

Я рано всталъ, не долги были сборы,
Я вышелъ въ путь чуть занялась заря;
Переходилъ я пропасти и горы,
Переплывалъ я рѣки и моря;
Боролся я, одинъ и безоруженъ,
Съ толпой враговъ; не унывалъ въ бѣдѣ
И не роптала... Но сталъ мнѣ отдыхъ нуженъ—
И не нашелъ пріюта я нигдѣ!
Не разъ, упавъ лицомъ въ сырую землю,
Съ отчаяньемъ, голодный, я твердилъ:
«По силамъ ли, о Боже! трудъ подъемлю?»
И снова шелъ, собравъ остатокъ силъ...
Все ближе и знакомѣе дорога,
И пройдено все трудное въ пути!
Главы церквей сіяютъ впереди—
Не далеко до отчаго порога!

Насмѣшливо сгибаясь и крехтя
Подъ тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды блѣдное дитя,
Голодный трудъ, попутчикъ мой лукавой,
Ужь прочь идетъ. . Теперь намъ розный путь;
Впередъ, впередъ!... Но измѣнили силы—
Очнулся я на рубежѣ могилы...

И нѐ кому и не чѣмъ помянуть!...
Настанетъ утро—солнышко освѣтитъ
Холодный трупъ; все будетъ рѣшено!
И въ цѣломъ свѣтѣ сердце лишь одно
И то едва ли смерть мою замѣтитъ...

3.

Пышна въ разливѣ гордая рѣка,
Плывутъ суда, колеблясь величаво,
Просмолены ихъ черные бока,
Надъ ними флагъ, на флагѣ надпись: слава!
Толпы народа берегомъ бѣгутъ,
Къ нимъ приковавъ досужее вниманье,—
И, шляпами размахивая, шлютъ
Пловцы родному берегу прощанье,—
И въ мигъ оно подхвачено толпой
И дружно берегъ весь ему отвѣтитъ...
Но тутъ же, опрокинутый волной,
Погибни челнъ—и кто его замѣтитъ?

А если и раздастся дикій стонъ
На берегу—внезапный, одинокой—
За криками не будетъ слышенъ онъ
И не дойдетъ на дно рѣки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорѣе берегъ, озаренный
Горячимъ блескомъ солнечныхъ лучей
И пестрою толпою оживленный—
Чѣмъ солнце ярче, люди веселѣй,
Тѣмъ сердцу сокрушенному больнѣй!

---

* *
*

Давно отвергнутый тобою,
Я шелъ по этимъ берегамъ
И, полонъ думой роковою,
Мгновенно кинулся къ волнамъ.
Онѣ привѣтливо яснѣли...
На край обрыва я ступилъ—
Вдругъ волны грозно потемнѣли,
И страхъ меня остановилъ!
Позднѣй—любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшія тогда.
Теперь—одинъ, забытъ тобою,
Чрезъ много роковыхъ годовъ,
Брожу съ убитою душою
Опять у этихъ береговъ.
И та же мысль приходитъ снова—
И на обрывѣ я стою,
Но волны не бурлятъ сурово,
А манятъ въ глубину свою...

---

* *
*

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой другъ,
И въ душѣ твоей, кроткой и нѣжной,
Злое чувство проснулося вдругъ—

Все, что вызвано словомъ ревнивымъ,
Все, что подняло бурю въ груди,
Переполнена гнѣвомъ правдивымъ,
Безпощадно ему возврати.

Отвѣчай негодующимъ взоромъ,
Оправданья и слезы осмѣй,
Порази его жгучимъ укоромъ—
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнувъ отъ волненья,
Ты поймешь его грустный недугъ
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящій другъ—

Позабудь ненавистное слово
И упрекомъ своимъ не буди
Угрызеній мучительныхъ снова
У воскресшаго друга въ груди!

Вѣрь: постыдный порывъ подозрѣнья
Безъ того ему много принесъ,
Полныхъ муки, тревогъ сожалѣнья
И раскаянья поздняго слезъ...

ОТРЫВОКЪ.

О, письма женщины, намъ милой!
Отъ васъ восторгамъ нѣтъ числа,
Но въ будущемъ душѣ унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснетъ пламя страсти,
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы!
Отдайте ей ея посланья
Иль не читайте ихъ потомъ,
А то нѣтъ хуже наказанья
Какъ заднимъ горевать числомъ.
Начнешь съ усмѣшкою лѣнивой,
Какъ бредъ невинной и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О, ты, чьихъ писемъ много, много
Въ моемъ портфелѣ берегу!

Подъ часъ на нихъ гляжу я строго,
Но бросить въ печку не могу.
Пускай мнѣ время доказало,
Что правды въ нихъ и проку мало
Какъ въ праздномъ лепетѣ дѣтей,
Но и теперь они мнѣ милы—
Поблекшіе цвѣты съ могилы
Погибшей юности моей!

СОЗНАНІЕ.

(НИКОЛАЮ БОТКИНУ.)

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ...

Все жь они не хуже плоской прозы
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что-нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догарая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что̀ клеймитъ злодѣя и глупца
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

ВЪ ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни вѣры благодатной—
Постыдное безсиліе раба!

Ей все равно—холодный сумракъ гроба,
Позоръ ли, слава, ненависть, любовь,—
Погасла и спасительная злоба,
Чтò долго такъ разогрѣвала кровь.

Я жду... но ночь не близится къ разсвѣту,
И мертвый мракъ кругомъ... и та,
Которая воззвать могла бы къ свѣту—
Какъ будто смерть сковала ей уста!

Лицо безъ мысли, полное смятенья,
Сухіе, напряженные глаза...
И кажется, зарею обновленья
Въ нихъ никогда не заблеститъ слеза.

---

* *
*

Я не люблю ироніи твоей.
Оставь ее отжившимъ и нежившимъ,
А намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ,
Еще остатокъ чувства сохранившимъ—
Намъ рано предаваться ей!

Пока еще застѣнчиво и нѣжно
Свиданіе продлить желаешь ты,
Пока еще кипятъ во мнѣ мятежно
Ревнивыя тревоги и мечты—
Не торопи развязки неизбѣжной!

И безъ того она не далека:
Кипимъ сильнѣй, послѣдней жаждой полны,
Но въ сердцѣ тайный холодъ и тоска...
Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны...

Т......ву.

Прощай! Завидую тебѣ—
Твоей поѣздкѣ, не судьбѣ:
Я гордостью, ты знаешь, болѣнъ
И не смѣняю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволенъ.—
Ты счастливъ. Ты воскреснешь вновь,
Въ душѣ твоей проснется живо
Все, чѣмъ терзаетъ прихотливо
И награждаетъ насъ любовь—
Пора наградъ, улыбокъ ясныхъ,
Простыхъ какъ молодость рѣчей,
Ночей таинственныхъ и страстныхъ
И полныхъ сладкой лѣни дней!
Ты зналъ ее?... Нѣтъ лучшей доли!
Живешь легко, глядишь свѣтлѣй,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна передъ той,

Чье сердце ласковое бьется
Однимъ біеніемъ съ тобой...
Счастливецъ! изъ доступныхъ міру
Ты наслажденій взять умѣлъ
Все, чѣмъ прекрасенъ нашъ удѣлъ:
Богъ далъ тебѣ свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословилъ твой путь земной...

ПРОСТИ.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не помни бурь, не помни слезъ,
Не помни ревности угрозъ!

Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь—
Благослови и не забудь!

---

* *
*

Какъ ты кротка, какъ ты послушна!
Ты рада быть его рабой,
Но онъ внимаетъ равнодушно,
Унылъ и холоденъ душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты имъ играла самовластно,
Но онъ любилъ, любилъ тогда!

Такъ солнце осени безъ тучъ
Стоитъ не грѣя на лазури,
А лѣтомъ и сквозь сумракъ бури
Бросаетъ животворный лучъ...

* *
*

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мы съ тобою проклинали.
Одинъ я умираю—и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда бъ хоть легче было отъ-того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу теплаго луча...

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя,—теперь ужь не зову!

Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть...

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1)
2)
3) Собачьи клички.
4)
5)

6) Такъ называется снарядъ особаго устройства, имѣющій въ спокойномъ положеніи форму неправильнаго треугольника. Съ помощію этого снаряда въ нѣкоторыхъ нашихъ деревняхъ достаютъ воду изъ колодцевъ, что производится съ раздирающимъ душу скрипомъ.

7) Банники — названіе лѣска.

8) *Набрасывать* — техническое выраженіе: спускать гончихъ въ островъ для отысканія звѣря (*островъ* — отъемный лѣсъ, удобный, по положенію своему, для охотниковъ). Набрасываетъ гончихъ обыкновенно такъ называемый *доѣзжачій*; бросивъ въ островъ, онъ поощряетъ ихъ порсканьемъ (*порскать* — значитъ у охотниковъ криками понуждать гончихъ къ отыскиванію звѣря и подбивать всю стаю на слѣдъ, отысканный одною), и вообще содержитъ въ неослабномъ повиновеніи своему рогу и арапнику. Помощникъ его называется *подъѣзжимъ*. При выѣздѣ изъ дому или переходѣ отъ одного острова къ другому соблюдается обыкновенно такой порядокъ: впереди доѣзжачій, за нимъ стая гончихъ, а за нею подъѣзжій, всегда готовый съ крикомъ: *въ кучу*! хлеснуть арапникомъ собаку, отбившуюся отъ стаи, — а за нимъ уже баринъ и остальные борзовщики. Обязанность *борзовщика* — стеречь звѣря съ борзыми, близь острова, перемѣняя мѣсто по направленію движенія стаи. Въ умѣньи выбрать хорошую позицію, выждать звѣря, выгнаннаго наконецъ гончими изъ острова, хорошо принять его (т. е. во-время показать собакамъ) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великій источникъ его наслажденія.

9) См. примѣч. 8.

10) См. примѣч. 8.

11) См. примѣч. 8.

12) *Варомъ-варитъ* — техническое выраженіе — употрябляется, когда гонитъ вся стая дружно, съ неумолкающимъ лаемъ и заливаньемъ,—что бываетъ, когда собаки попадутъ на слѣдъ только-что вскочившаго зайца (называемый *горячимъ* слѣдомъ), или когда звѣрь просто у нихъ въ виду; въ послѣднемъ случаѣ говорится: гонятъ по *зрячему*, и гонъ бываетъ въ полномъ смыслѣ неистовый. При жаркомъ и дружномъ гонѣ хорошо подобранной стаи, голоса гончихъ сливаются въ довольно стройную и не чуждую дикой пріятности гармонію, для охотниковъ ни съ чѣмъ несравнимую.

13) *Однопомётники* — собаки одного помёта.

14) Звѣрь *отсѣдаетъ* — говорятъ, когда заяцъ, уже нагнанный борзыми, вдругъ оставляетъ ихъ далеко за собою, обманувъ неожиданнымъ уклоненіемъ въ сторону, прыжкомъ вверхъ или другимъ какимъ нибудь хитрымъ и часто разительнымъ движеніемъ. Иногда, напримѣръ, онъ бросается просто въ собакъ; собаки съ разбѣга пронесутся впередъ и когда попадутъ на новое направленіе зайца, онъ уже далеко.

15) *Отпазончить* — отрѣзать заднія лапки на среднемъ суставѣ.

16) *Торочить, приторачивать* — привязывать зайца къ сѣдлу, для чего при охотничьихъ сѣдлахъ находятся особенные ремешки, называемые *тороками*.

17)
18)
19) Собачьи клички.
20)
21)

22) См. примѣч. 8.

23) *Тявкуша* — тоже, что гончая; гончія иногда также называются *выжлицами* (въ женск. — *выжловка*); отъ этого слова доѣзжачій, заправляющій ими, называется еще *выжлятникомъ*.

24) Собачья кличка.

25) См. примѣч. 23.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

III.

IV.

Стр.

